

Кондратьев Н.

СТАРШИЙ БРАТ ЦАРЯ
ТОМ 1

Россия державная

Россия державная

Николай Кондратьев
Стрелецкий десятник

«Алгоритм»

1996

УДК 821.161.1Р
ББК 84(2Рос=Рус)

Кондратьев Н. В.

Стрелецкий десятник / Н. В. Кондратьев — «Алгоритм»,
1996 — (Россия державная)

ISBN 978-5-486-03860-0

Писатель Николай Васильевич Кондратьев (1911–2006) родился в деревне Горловка Рязанской губернии в семье служащих. Работал топографом в Киргизии, затем, получив диплом Рязанского учительского института, преподавал в сельской школе. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией» и др. После войны окончил Военную академию связи, работал сотрудником военного института. Член СП России. Печатался с 1932 г. Публиковал прозу в коллективных сборниках. Отдельным изданием вышел роман «Старший брат царя» (1996). Лауреат премии «Зодчий» им. Д. Кедрина (1998). В данном томе представлена первая книга романа «Старший брат царя», состоящего из четырех самостоятельных произведений. В нем два главных героя: жестокосердый царь Иван IV и его старший брат Юрий, уже при рождении лишенный права на престол. Он – подкидыш, воспитанный в монастыре, не знающий, кто его родители. Возмужав, Юрий покидает монастырь и поступает на военную службу. Произведенный в стрелецкие десятники, он, благодаря своему личному мужеству и уму, становится доверенным лицом государя, входит в его ближайшее окружение...

УДК 821.161.1Р
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-486-03860-0

© Кондратьев Н. В., 1996

© Алгоритм, 1996

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Николай Васильевич Кондратьев

Старший брат царя. Том первый. Стрелецкий десятник

Часть первая Стрелецкий десятник

1

В селе Тонинское в государевом дворце самые обширные покои – это трапезная, два яруса окон в ней, каждое из которых набрано из разноцветного стекла. Столы в три ряда на сотню человек, государев стол на помосте, откуда можно окинуть взглядом всех пирующих.

В тот день не за кем было присматривать, в трапезной неполная дюжина едоков, все разместились по чину. На этот раз царь Иван Васильевич возвращался из Троице-Сергиева монастыря с малым числом спутников. Он сумрачен, потупив глубоко сидящие глаза, только изредка из-под насупленных бровей быстро оглядывал сотрапезников.

Хранителя царского дворца боярина Прокофия Морозова охватило беспокойство: не доволен чем-то государь!.. А может, заботы одолевают? Ведь ему 29 августа, на Ивана Постного, всего двадцать два года исполнится, по редкой бороде и того не дашь, а на челе уж морщины обозначились. За столом он ничего не отведал, меда не пригубил. А он-то, Прокофий, как старался! Похлебки, щи, ушицы наваристые, рыбы разные, солености, мочености горками, грибы и свежие есть, и в конопляном масле жаренные... Государь же только хлеб щипнул, в соль окунул, квасом запил, и весь обед. Вот горе-то! На что гневаться изволит?! А его сотоварищи и не замечают, что царь мрачней тучи, жрут в три горла! От меда хмельного голоса подавать начали. Ну, были бы мальчишки, какой с них спрос. Так нет! Вон Нарышкин, седина в бороде, а никакой важности! А племянничек-то, Данилка Патриков, больше всех усердствует в еде, ишь какую морду нажрал... Вон опять запустил пятерню в туесок за капустой!.. Ведь он давно в приближенных царя ходит, а разума так и не набрался. Иное дело Афанасий, сын его. Сидит скромно, лишь изредка на государя глаза вскидывает и тоже хлеб квасом запивает...

Не суждено боярину Прокофию узнать истинные причины переживаний Ивана, да и окружению царя то невдомек. А поводов много...

В то время, в июне 1552 года, иначе, в лето семь тысяч шестидесятое от сотворения мира, начался третий поход на Казань. Русское воинство собиралось под Коломной. Завтра, в середине первой недели – седмицы Петрова поста, сам Иван собрался выехать к главным силам. Накануне он посетил Троице-Сергиев монастырь и получил великое успокоение: преподобный Сергей Радонежский со стенной росписи благословил его на победный ратный поход против царства Казанского, как сто семьдесят два года назад живой святитель благословил прародителя его, великого князя Дмитрия на поход против Мамаю. И возрадовался тогда царь, это все видели. Но в душе остались сомнения... Им, Иваном, уже предпринималось два похода на Казань и оба неудачные. Никто не ведает, какую муку сердечную ему пришлось тогда вынести! А вдруг и в третий раз тако ж? Хотя, конечно, сейчас все подготовлено не в пример лучше: и воинов больше, и огненного припаса, и воеводы дружнее и стоворчивее. Опять же, вокруг него ныне ревнители дела государева – Алексей Адашев – разумный советник, Сильвестр –

духовный пастырь благостный и многие другие. Митрополит Макарий и ближайшие советники предрекали успех новому походу.

В то же время Иван знал: затаились недруги-бояре, противники похода, их нужно остерегаться. Но он убеждал себя, что наибольшая угроза исходит от нечистой силы, которой поклоняются казанские татары. Кто знает, как от нечисти избавиться, оградить себя?! Она кругом, куда ни глянь. Вот пока ехали от Троицкого пять раз дорогу перебежали зайцы, и не по одному – косяками; сам леший гонял их, наверное! Правда, каждый раз наперед выскакивали на своих конях рында Спиридон и десятник стрелецкий Юрша, первыми пересекали следы зайцев, брали на себя дурные последствия наваждения.

И все ж не удалось миновать недоброе. У въезда в село Тонинское неизвестно откуда взялась и перед царским конем пересекла дорогу сгорбленная старуха. Мало того, остановилась, клюкой погрозила, да шептала что-то при этом, может, проклетия или заклинания!

Иван проскакал было мимо, потом хватился и послал Спиридона разузнать, что это за ведьма. А того по сю пору нет и нет, сгинул проклятый, и сумеречно на душе у царя.

Вдруг скрипнула дверь. Иван повел взглядом: у косяка Спиридон – хитроглазый русский детина, косая сажень в плечах. Кивнул ему, тот мигом оказался рядом и зашептал:

– Бабка Феодора, прозывают Рогулькой. Когда сказали, что на государя замахнулась, ей плохо стало, водой отливали.

– Не ведьма? – тоже шепотом спросил царь.

– Этого не водится за ней. Повитухой слывет, иной раз милостыней пробавляется. Приволок ее сюда, возле конюшни сидит, плачет. Прикажешь проучить?

– Нет, не надобно. Алтын дай и пусть идет с миром.

У Ивана отлегло от сердца, однако есть не хотелось, и он встал. Все тоже поднялись, лишь Даниил Патриков задержался, но, видать, почувствовав царский взгляд, заторопился проглотить еду и чуть не подавился.

Старенький священник церкви Благовещения шепеляво прочел благодарственную молитву. Иван направился к выходу, за ним поспешил боярин Прокофий. Около двери к царю с поклоном обратился его сын Афанасий. У Прокофия ноги ослабели от ужаса. Он знал, что затевает тот неладное, да не успел запретить ему. Сейчас грянет гром гнева царского! Незаметно малым крестом перекрестился боярин чуть повыше обширного живота, и как во сне услышал слова сына:

– Государь, дозволю слово молвить.

– Ну, чего тебе? – Иван остановился.

– Волчья стая на Сукромле-реке объявилась. Разрешит травлю устроить.

– Пост ведь.

– Пост постом, государь, а гонять надо: две ярки задрали, жеребенка загнали. Селяне плачутся. Дозволь...

Царь вдруг почувствовал, будто кто толкнул его: «Езжай на травлю. Коль волка убьешь, Казань принесет славу тебе!» Тихо спросил:

– Стая-то большая?

Афанасий отвечал почти шепотом, скороговоркой:

– О трех. Похоже, волчиха прошлогодний помет натаскивает. Уже людишек разослал, прямо теперь начать могу...

– Добро. Часок отдохну и тоже поеду... Ты чего поник?

– Помилуй, государь! Полагал – малая охота. Большую для тебя не готовил...

– Ладно, посмотрю на малую. – Иван обернулся к Порфирию: – Гонца пошли. Пусть скажет государыне и Адашеву: мол, завтра утром вернусь.

2

Когда царь Иван выехал на охоту, солнце еще основательно припекало, хотя и было уже на полпути к закату. Сразу за воротами ограды Тонинского царского дворца свернули направо, миновали вброд Сукромлю и неспешно двинулись по ее правому берегу, заросшему луговой разнотравницей с куртинами мелкого кустарника.

Иван ехал верхом. Под ним вороной аргамак грыз золоченые удила, порывисто перебирал тонкими ногами и зло косился на соседних коней, рядом – Даниил Патриков да Афанасий Морозов, у этих лошади каурые, поджарые. На три-конь позади двигалась царская охрана: приближенный рында Спиридон да стрелецкий десятник Юрша Монастырский. За ними – двор. В первой паре Прокофий Морозов с Игнатом Нарышкиным. Из-за жары все одеты в легкие полотняные чуги – кафтаны для верховой езды; государева чуга шита цветным шнуром, а кляпыши позолочены. Один только боярин Морозов блюдет старину – нарядился в широчайшую шубу.

За государевым двором – верховые стрельцы, потом слуги боярские и лучники царя. Поезд замыкали псары с собаками, но они не стали переезжать речку Сукромлю, а вытянулись дугой по заболоченному кустарнику в ожидании сигнала, чтобы спустить собак.

У Морозова-старшего отлегло от сердца: выезд шел чередом, у государя хмурость прошла, он самолично приказал к вечеру любимую ушицу из ершей сварить. Опять же, особую милость проявил: дозволил Афанасию рядом с собой ехать. На широком лице боярина Прокофия появилась самодовольная улыбка. Оглянулся на свиту царскую, понимают ли они радость его, и потускнел. Острым взглядом неположенное заметил: следом за поездом царским ехали его малайка, холоп младший Васек и дочка Таисия. Он тотчас ее узнал, хотя та и нарядилась в кафтан и мурмолку братьевы... Вот бесова девка! Нет чтобы в светелке сидеть, бабьим делом заниматься, бисер низать иль шелком вышивать, пример брать со снохи Марии, жены Афанасия, рукодельницы и хозяйки отменной. А эту, вишь, на мужские забавы потянуло. Вся в покойницу мать, царство ей небесное!.. Проведает государь, лихо будет! Что подумать может?

Но тут вниманием боярина Прокофия вновь завладел царь. Впереди что-то случилось. Ехали втроем, и вдруг государь стегнул коня, поскакал. За ним Афанасий. Прокофий недоумевал: что бы это значило?

А там произошло вот что...

Еще как Сукромлю перебрали, Иван пошутить изволил, спросил Даниила, почему он не женился до сих пор, может, чего не хватает у него. Даниил сдуру ответил:

– Все на месте, государь. А вот почета не хватает. Служу тебе верой и правдой, а толку что? Нет у других почтения к слугам твоим.

Веселость с царя ветром сдуло. Насупился опять, морщины на лбу резче проступили.

– Кто осмелился обижать слуг моих?!

– Дозволь по порядку, государь? – Иван хмуро кивнул. Даниил говорил, постепенно воодушевляясь: – Сватов я послал к боярину Михаилу Еремеичу. Принял, ничего не скажешь, честь честью. Сваты разговор повели, поминки выложили. Боярин холопам приказал развернуть, осмотрел и говорит: «Сказываете, прислал Данилка, сын Ивана Патрикова? Обноски прислал, сваты дорогие! Знать не знаю вашего Данилку и знать не хочу!» Ему сваты: мол, Данила у государя Иоанна Васильевича в доверенных слугах ходит. А боярин свое твердит: «Какое мне дело, кто у кого в услужении? Говорю, обноски не принимаю».

Иван насмешливо спросил:

– Может, и впрямь рухлядь-то ношена была? А?

– Помилуй, государь! Послал я пять соболей, два десятка куниц, плат, серебром шитый, камки штуку. Мы порядок знаем! Не. Все потому, что мало жалуешь меня за мою службу верную. Ничем не отмечен я.

Хорошее настроение постепенно возвращалось к Ивану, он усмехнулся:

– А красна девка у боярина Михаила?

– Посмотрел я ее. Она у Трех Святителей обедню стояла. Ничего, статная. Может, токо, худовата маленько.

– Э, Данила, хочешь, я тебя пожалую? Сватом поеду, мне боярин Михаил отказать не посмеет. А девку сам посмотрю, может, и мне понравится.

Даниил заметно испугался:

– Что ты, государь!

Иван вновь насупился:

– Не возрадовался ты, Данилка, чего-то.

– Чему радоваться-то?.. У тебя и своих забот хватает, а мы уж как-нибудь сами. Вот вернусь, Бог даст, из похода Казанского, тогда и уломаю старика.

– Врешь, Данилка! Другое у тебя на уме. Боишься, а?

– Боюсь, государь! Хоть ты и женился и голубишь государыню Анастасию, а все ж прыть не потерял... Много о тебе разговоров ходит. Вдруг приглянется девка тебе...

– Вон какие среди вас разговоры! Ах ты, раб лукавый! Государю своему не веришь! Чужую девку показать боишься! Вот преданность твоя!

Судорога искривила лицо Ивана, губы растянулись, открыв зубы, он огрел нагайкой аргамака, обиженный конь присел и рванул галопом.

Скачка охладила Ивана, да и понял, что не стоило сердиться на дурацкие речи. Он начал придерживать разгоряченного коня. На взгорье Афанасий подъехал к царю и сказал:

– Государь, разреши подать сигнал псарям. Волки вон в тех зарослях, от собак сюда пойдут. Ты тут стой, а мне дозвошь отъехать на ту сторону речки, там людишки наши, будем зверье от леса шугать.

Иван молча кивнул и остановил коня. Афанасий, громко трубя в охотничий рог, помчался по склону к реке.

Спиридон отстегнул от седла чекан – топорик с обушком на длинной ручке, помог царю накинуть на правую руку шелковую петлю. Вооружились все желающие принять участие в охоте.

От села донесся разноголосый лай собачьей своры.

3

Волчица и два уже взрослых волчонка бежали извилистой звериной тропой по берегу Сукромли. За ними заливались взявшие след собаки. Волчата ростом не отличались от матери, но шерсть у них была темнее, а на загривке короче. Они часто оглядывались и скалили зубы. Волчицу лай собак не страшил, на тропе среди разросшихся кустов ветлы, орешника и ольхи свора тянулась цугом и не могла окружить их. Поэтому мать-волчица трусила неспешной рысью, берегла силы. Ей не раз приходилось попадать в облаву, и она знала по опыту, что наибольшая угроза исходит не от кричащих людей и шума трескоток справа, со стороны леса, а от негромкого топота лошадей слева. Однако волчата еще не понимали этого, и каждое их движение влево она сдерживала сердитым рычанием и злым оскалом.

Еще немного, и речка впереди затеряется среди кочковатого болота. Тогда волчица ускорит бег, собаки отстанут, и она с волчатами отдохнет в тишине на хорошо известных ей сухих островах.

Но оттуда, где волчица ожидала отдых, раздался лай новой своры. Теперь ради спасения нужно было заставить волчат преодолеть страх и повернуть к лесу на шум трещоток. Она издала звук, похожий на хриплый выдох, но волчата не поняли сигнала. Страх поборол инстинкт послушания, они рванулись влево, широкими прыжками миновали речку и на противоположном берегу зашуршали кустарником. Волчица на мгновение замерла на месте и тут же, застав от горя, пошла за детьми.

Своры собак, столкнувшись, задержались, началась грызня, хотя и были они из одной псарни. Некоторые собаки, потеряв след, повернули к лесу на шум людей, но большая часть своры бросилась на другой берег.

Волчица неслась по прибрежным кустам несколько наискось, теперь уже не жалея сил. Она слышала, как недалеко впереди зашумели люди, тяжело затопали и захрипели кони – началась погоня. Потом характер топота изменился, она всем своим существом поняла, что там, на поле, все кончено! В два прыжка оказалась на открытом пространстве и остановилась. Трудно сказать, видела ли она смерть своих детей или нет, но явно почувствовала, как выскакивающие из кустов собаки окружают ее. Она не подумала убежать, а за секунду от общей свалки бросилась со всех ног к человеку, соскочившему с лошади, – ей представилась единственная возможность отомстить!..

4

За время службы десятник Юрша не раз бывал близ царя при его охоте. Это были пышные выезды с соколами и собаками, с огромной свитой бояр и прислуги, со многими сотнями пеших и конных загонщиков. А вот на волчью травлю с малым народом он попал впервые.

Царь остановился на высотке, Юрша позади него, как положено, на три-конь. Ближе к царю – Спиридон. Чуть в стороне бояре, охрана и слуги боярские. Все затихли в ожидании.

С первым лаем гона из кустов на поле посыпалось всякое зверье. Больше всего зайцев, они в разных направлениях прошивали поле. Лисы выскакивали реже, петляли, делали большие прыжки – запутывали следы. Темными молниями мелькали дикие козы. Иногда дичь бросалась под ноги лошадей. Лошади шарахались, охотники оживлялись, слышался приглушенный смех.

Всеобщее внимание привлекла дрофа. Огромным серым комом она не то перебежала поле, махая крыльями, не то пролетела низко над землей. В этих местах дрофа была редкой птицей, и заядлые охотники с сожалением проводили ее взглядами, но никто не погнался за ней, потому что всего три дня, как начался Петров пост, и еще почти месяц грешно есть скоромное.

Правда, когда выскочила на поле многочисленная визжащая семья вепрей, псаря окружили и забили секача: Афанасий загодя получил на это разрешение царя.

Постепенно лай двух свор сближался. Вот между ними осталось с четверть версты, вот еще меньше, а волков все нет. У боярина Морозова озноб начался и шуба не помогла: а вдруг ушли? Что тогда будет! Тут забыл он и про дочь свою непослушную, которая как ни в чем не бывало остановилась неподалеку от него.

Когда своры сошлись и послышался визг собачьей грызни, Морозову стало плохо, он чуть не свалился с коня. Поэтому и не видел, как появились два волка, не видел, как рванулся за ними Иван. Немного пришел в себя, когда мимо промчались все, а с ним остался только верный слуга, с которым они и затрусили за охотниками.

5

...Аргамак царя летел птицей, Юрша начал отставать. Спиридон, изо всех сил нахлестывая своего коня, помчался краем поля, чтобы отрезать волкам путь отступления в приречные кусты. Юрша никогда не бил своего Славича, а тут стегнул. Будто понимая ответственность момента, конь в галопе стлался по траве, но расстояние до царя не уменьшалось. Оглянувшись, Юрша заметил: вся молодежь боярская мчится за ним, пока никто не нагоняет, лишь Даниил Патриков вот-вот поравняется – конь у него хорош!

А царь уже над волком, замахнулся чеканом... Вдруг аргамак его дернулся и упал на колени, тут же вскочил, но бежать дальше не мог, запрыгал на трех ногах, завизжал от боли.

Иван удержался в седле. Он еще не понял, что с конем, но вспомнил, о чем загадал перед охотой, и с болью ощутил: волк уходит, уйдет и Казань! Принялся свирепо бить коня чеканом. Через несколько секунд Юрша догнал царя, одернул свое тело с седла на круп лошади и закричал:

– Садись!

Смена лошадей на скаку – обычный прием, известный каждому коннику, но тут-то царь! Это Юрша сообразил поздно. Однако Иван не задумываясь перекинул через свое седло ногу, ухватился за луку седла десятника и очутился на его коне. Юрша соскользнул в сторону и только на земле по-настоящему испугался своей дерзости: крикнул царю как простому вою!

Пока Иван пересаживался, Даниил пронесся мимо. Царь видел, как он догнал волков, и те шарахнулись в разные стороны. Даниил успел одного из них ударить чеканом по голове, проскочил, развернул коня и погнался за другим. Но тот, почуяв смертельную опасность, припустился изо всех сил. Ему наперерез мчались три лучника. Даниил, поняв, что волк уходит, заорал:

– Стреляйте, дьяволы!

Лучники на скаку подняли луки и одновременно пустили стрелы. Волк высоко подпрыгнул, перевернулся в воздухе, упал, еще некоторое время перебирая ногами, пока не затих. Даниил увидел: одна стрела торчала в голове волка, две – в ребрах.

Добрые лучники у государя!

6

...Юрша направился к цареву коню. Тот возбужденно прыгал, становился на дыбы, пытался укусить поврежденную ногу и пронзительно ржал; он покрылся потом, клочья пены спадали с удили. Завидя незнакомого человека, бросился на него. Юрша увернулся и отбежал. Около остановился Аким, старший его десятка, хотел спешиться, но Юрша, жестом удержав его, сказал:

– Скачи к царю, будешь возле него. Ко мне пришли двоих.

Аким ускакал, а Юрша прошел назад, туда, где конь упал на колени, и около полузасыпанного землей валуна обнаружил нору. Лучше рассмотреть ее помешал окрик:

– Что с Вороном?

Юрша оглянулся и не поверил своим глазам: на коне, одетая мужиком, сидела Таисия, боярышня! Чернобровая, порозовевшая от быстрой езды, она смотрела на него огромными сердитыми глазами.

– Чего уставился? Оглох? С государевым конем что, спрашиваю?!

– Здравствуй, боярышня. Конь в нору ступил. Видать, ногу сломал.

– Бедный! – Она спешила ловко, по-мужски, и, бросив поводья подоспевшему Ваську, пошла к коню. Юрша преградил ей дорогу:

– Туда нельзя, боярышня. Он сбесился от боли.

– Меня не тронет. Я его хлебом баловала. – Она побежала, Юрша следом.

В это время в кустах рядом возник собачий лай с повизгиванием, его заглушил вопль Васька:

– Берегись! Волк!

Юрша увидел в траве серую спину зверя сажень в двух от Таисии. Выхватив саблю, он дико вскрикнул и бросился на волка. Таисия повернула назад, волк – за ней. Боярышня – к Юрше, а тот, обхватив ее левой рукой, сбился с точного удара – сабля скользнула по хребту зверя. Вторым разом уже около самых ног вонзил острое в оскаленную пасть волчицы. Она, разбрызгивая кровь, из последних сил грызла землю, потом замерла. Известно: волки умирают молча.

Только теперь Юрша почувствовал, что боярышня безжизненно повисла на его руке. Воткнув в землю окровавленную саблю, он подхватил Таисию и понес к коням, которых Васек не мог подвести ближе, – они, чуя волка, в страхе шарались...

На руках у Юрши Таисия пришла в себя, быстрым взглядом окинула русую бороду, озабоченное лицо своего спасителя, доверительно и благодарно обняла его за шею, прошептав: «Спаси тебя Бог. Отпусти, я сама...» Но Юрша только крепче прижал ее к себе – уж очень приятной оказалась ноша. Задержался несколько близ коней. Васек успокаивал их. Боярышня не противилась, ее рука так и обвивалась вокруг его шеи. Но попросила еще раз: «Хватит... Отпусти...» И опять не послушался: легко поднял боярышню, посадил ее в седло. Поклонился, отошел к оставленной сабле, смущенный и встревоженный.

Таисия не уезжала. Она видела, как псаря отогнали рассвирепевших собак от убитой волчицы, как десятник и два подоспевших стрельца успокоили Ворона, расседлали его. Хотели осмотреть поврежденную ногу, но тот не позволил, поднялся на дыбы. Его оставили в покое. Юрша, вскочив на коня, подведенного стрельцом, подъехал к Таисии. Не без тайной радости заметив, что она с большим интересом рассматривает его, поклонился, негромко сказал:

– Мне надо к государю, боярышня.

– Благодарствую тебе, десятник. Ты спас мне жизнь.

– Готов служить тебе, Таисия Прокофьевна! А сейчас дозволю отъехать. Мои вои повезут сбрую с царева коня и тебя проводят. Прощай.

Юрша ускакал. Таисия долго смотрела ему вслед.

7

Даниил только оглушил первого волка. Тот сразу после удара чеканом упал, но тут же поднялся и, покачиваясь, побежал к кустам, постепенно набирая скорость. Царь Иван, теперь уже на лошади десятника, нагнал его. Волк огрызнулся, а затем прыгнул, пытаясь напасть на лошадь. Но Иван ловким ударом чекана разmozжил ему голову. Это произошло на глазах других охотников, под их многоголосое одобрение.

Когда Даниил подъехал к свите, на него никто не обратил внимания. Многие громко обсуждали охотничью ловкость государя. Ведь надо же, потерял коня, пересел на другого и все-таки догнал и убил волка! Даниил попытался объяснить, что это он помог государю, но его никто не хотел слушать. Раздосадованный, он приблизился к своему дяде и громко сказал:

– Это я первым ударил волка. Я задержал его!

Боярина Прокофия всего передернуло, он свирепо зашептал:

– Чего болтаешь, несуразный! Все видели, как государь догнал и прикончил зверя самостоятельно! – И, переведя дыхание, сказал: – Ты, племянш, придержи язык! Да ховайся отсель!..

Этот разговор произошел, когда лучники подтащили волка к царю и старший объяснял, как им пришлось пустить стрелы. Поэтому Иван не разобрал слова Даниила, но насторожился

от шепота боярина, весь превратился в слух и понял, о чем речь. Прокофий, перехватив мрачный взгляд царя, в страхе замахал руками на племянника:

– Ступай, ступай! Не до тебя! Тут Таисия где-то, уведи ее домой.

В этот момент подкатила подвода с бочкой кваса. Слуги начали раздавать охотникам ковши. Прокофий подал Ивану отдельно привезенную сулею, сперва отпив из нее пару глотков – пусть видит, что без отравы.

8

Травля закончена. Псари дудками собирали разбежавшихся собак и вели их к туше вепря на кормежку. Замолкли голоса людей и стрекотание трещоток. Загонщики, тонинские мужики и бабы собрались в указанном месте пониже холма, по другую сторону которого находились царь и бояре. Тут возле родничка их ожидала подвода, каждый загонщик подходил и получал краюшку только что испеченного душистого хлеба и пару луковиц со щепотью соли. Садись и ели в тишине, стараясь не уронить ни одной крошки на землю – то великий грех.

Утолив голод, пили из родника и разговаривали негромко. Вспоминали, как метались напуганные звери и как они сами пугались зайцев; приглушенно смеялись. Не расходились потому, что приказано тут встретить поклоном царя-батюшку.

Бабы и молодницы собрались отдельно, иные переглядывались с парнями. Однако даже здесь, на приволье, вдали от родителей, игривость молодежи гасла под строгими взглядами пожилых односельчан. И тут кто-то из баб низким голосом произнес речитативом всем знакомые слова. Будто дожидаясь этого, остальные сразу подхватили хором, и над полями и рекой к голубому небу понеслась песня такая же бескрайняя, как просторы вокруг:

Ой-да, послали меня молодую
в поле полоть лебеду-траву.
Ой-да, целый день гнула спинушку,
а домой пришла – муженек бранит:
Ой-да, почему ты не улыбчива?
Почему мужу не услужлива?
Ой-да, к мужу я приласкалася,
поднесла воды, сапоги сняла.
Ой-да, дети малые в избе
слезами заливаются.
Ой-да, во дворе-то коровы
ревья ревут, надрываются.
Ой-да, коровушек подоила я,
детешек уложила спать.
Ой-да, свекор-батюшка волком рыкает.
Я молода ему улыбнулася.
Ой-да, свекровушка то заметила,
понесла меня на чем свет стоит!
Ой-да, со свекровушкой я поладила,
уложила в постель, ноги вымыла.
Ой-да, а потом свекору уважила...
Перестал рычать, стал подхваливать.
Ой-да, все поделала, все уладила,
и самой пора прикорнуть-уснуть.
Ой-да, прикорнуть-уснуть

не пришлось мне:
Ой-да, заиграл пастух
да в золотой рожок.

Любит русский человек послушать задушевную песню и подтянуть, хоть вполголоса. Замолчали самые говорливые из мужиков, подошли поближе к бабам. Окрепла песня, окрасилась многоголосием, переливами и повторами, шутливая и задорная.

9

Туда, где лежали два убитых волка, псарь подтащили и волчицу. Старший псарь, сняв шапку, стоял потупившись. Царь заметил его:

– Говори.

– Государь, зверя посек твой десятник Юрша.

На удивление свиты, эти слова не рассердили, а, наоборот, обрадовали Ивана, его глаза весело сверкнули:

– Десятник, говоришь? Юрша, ты где?

– Тут, государь.

– Ну-ка подь ближе. – Дети боярские с заметной неохотой отвернули коней, пропуская десятника. – Скажи нам, как ты в нашу забаву впутался?

– Помилуй, государь. Я защитил... – На долю секунды замялся Юрша, потом, смутившись, закончил: – Защитил твоего коня. Волк набросился на него, государь.

– Молодец! Везде поспеваешь. Вот только шкуру попортил.

– Виноват, государь. Поспешил.

– Ладно. Придется простить. Я у тебя в долгу, Юрша, твой конь подо мной. Боярин Прокофий, дашь десятнику лучшего коня в полной сбруе. Да чтоб пригляднее вот этой. – Иван тряхнул уздечкой. – В другой раз чтоб не зазорно было государю держать.

Боярин Прокофий подался вперед:

– Государь, изволь пересесть, для тебя коня пригнали. Лебедем его зовем.

– Для меня? Давай сюда Лебеда.

Два конюха подвели серого в яблоках жеребца. Он, казалось, нарочито красовался перед царем: мелко семенил ногами и лебедем изгибал шею. Царь крутанул рукой, конюхи повели коня вокруг волчьих трупов, Лебедь затрепетал, захрапел, конюхи еле удерживали его. Иван восхищался:

– А, хорош, красавец! Правда, Юрша?

– Достоин царя, государь.

– И тебя достоин. Бери!

Окружающие ахнули, боярин Прокофий руками всплеснул, чуть с коня не свалился. Юрша взмолился:

– Помилуй, государь...

– Я сказал!.. Садись, посмотрим, каков ты на коне герой.

Юрша подошел к Лебедю, похлопал ладонью его по шее, слегка влажной от напряжения. Заглянул в большой глаз с кровавой искрой, тихо говоря ласковые слова, подобрал уздечку. Взялся за луку и, не дотрагиваясь до стремени, с земли взлетел в седло. Лебедь присел, заходил из стороны в сторону, таская за собой конюхов. Юрша натянул шитые золотом поводья, успокоил коня и сказал:

– Пускай.

Лебедь затанцевал, пошел боком, попытался скакнуть, но, почувствовав крепкую руку, смирился. И тут Юрша сделал поступок, на который решился бы не каждый всадник: он напра-

вил Лебеда к царю прямо через трупы волков. Зрители замерли, все понимали, что это значит, особенно для горячего коня. Лебедь встал на дыбы, сделал попытку отвернуться, захрапел. Но Юрша не менял направления, легонечко трогал коня плеткой, тот уступил и красивым прыжком перемахнул через трупы. Кое-кто не удержался от возгласа удивления. Юрша остановился перед царем, в поклоне пригнулся к шее коня и, выпрямившись, сказал:

– Государь, твой слуга не достоин такого подарка. Этот конь должен носить царя.

Боярин Прокофий закивал и скороговоркой:

– Истину, истину говорит десятник. Я ему другого коня дам, два дам...

Иван деланно засмеялся:

– Слыхали? Боярин с царем не согласен! От себя еще деньгу десятнику жалуется! Ну как, Прокофий, одной деньги не мало ли?

Боярин залебезил:

– Не мало, государь, не мало.

– То-то... А ты, Юрша, сей день сослужил мне изрядную службу, больше той, о которой ведаешь. Этот конь – малая награда.

Юрша не понял намека, однако у него хватило толку с поклоном сказать:

– Благодарствую, великий государь! Пока жив, верным слугой тебе буду! Разрешите на место встать.

Иван не ответил, только рукой махнул. Под завистливыми взглядами детей боярских Юрша малым галопом проскакал кругом и встал позади царя рядом со Спиридоном, тот наклонился к нему:

– Ловок ты, десятник! Всех обскакал! Ну, теперь держись!

Иван с усмешкой оглядел притихшую свиту.

– Что ж, бояре, травля удачной была. Спаси Бог тебя, Афанасий. Теперь и отдохнуть не грех.

Тронул коня, рядом с ним поехали отец и сын Морозовы, остальные начали занимать свои места по чину. В это время ветерок донес песню селян. Иван придержал коня, прислушался. Прокофий возмутился:

– Поют, треклятые! Про пост забыли! Афоня, утихомирь!

Иван остановил боярина:

– Не надо! – Некоторое время он задумчиво прислушивался к пению. – Вот этим могуча Русь. Целый божий день гонял ты их, Афанасий, для нашей потехи, а отдохнули чуток и запели... Они знают, Прокофий, что Петровки на дворе. Это у них русская душа поет.

Царь тронул коня и медленно поехал навстречу крепнущей песне. Все двинулись за ним в полном молчании, только всхрапывали кони.

Неподалеку понуро стоял на трех ногах царский аргамак. Иван подъехал к небу. Конь даже не поднял головы, у него из глаз катились слезы. Иван, быстро отъехав, приказал:

– Ворона доставить в конюшню, ногу залечить, кормить и холить до смерти.

Как только царский поезд показался на холме, песня оборвалась. Селяне зашевелились, выстраиваясь вдоль дороги. Царь говорил, будто думал вслух:

– Вот и замолкли, государя увидели. Сейчас на колени падут. Жаль, денег не взял. Прокофий, одари их потом от моего имени. Смотри, не жадобь, проверю.

10

Царский дворец в Тонинском обширен: буквицей Т – «твердо» стоял он на холме между реками Яузой и Сукромлей. Слева, со стороны Яузы, царева половина, справа – боярина Морозова. Между ними – трапезная. От трапезной к Сукромле – жилье для охраны царской, дальше

покои для знати, позади – холопья изба. Между всеми покоями коридоры, чуланы, переходы хитрые с лесенками и уголками укромными.

В царских хоромах большие комнаты, с окнами светлыми, слюдяными. Но Иван облюбывал себе каморку между трапезной и охранной, с оконцем маленьким, бычьим пузырем затянутым. Назвал эту каморку кельей своей – тут и прохладнее, и надоедливых мух поменьше. Находилась она возле главного перехода, вели к ней две двери, у обоих выставили рынд, которые строго шикали на снующую мимо дворню.

После охоты Иван прошел в келью, отказавшись от перин, велел бросить на лавку медвежий тулуп, а под голову – толстое одеяло. Он лежал в полудреме, отдыхал от обильного ужина.

Рядом с ложем стоял на коленях Спиридон. Он только что разул царя, снял расшитые ичиги, теперь старательно священнодействовал – протирал ноги государя влажной ширинкой. Тут требовалось большое искусство – повелитель боялся щекотки, и нужно исхитриться так, чтоб не побеспокоить царя. Спиридон овладел этим в совершенстве, то была главная причина, выдвинувшая рядового служку в особо доверенные. Протирая ноги, Спиридон тихим воркующим голосом поведывал царю дворцовые новости, в этом деле он также достиг большого мастерства.

– ...А еще, пока ты волков травил, ката твоего Мокрушу помяли крепко. Говорят, на девичьей половине застукали. От девок он отбил, а тут конюхи подоспели, ката подручные насилиу выручили. А еще вот, твоего Ворона на волокуше привезли, в станок поставили, коновал ногу пользуется... А еще, боярин Прокофий на Юршу злобится, не по чину, мол, одарил ты его. А Юрша, само собой, ног не чувствует, рад... Однако ты не очень доверяй ему: обманул он тебя...

Услыхав такое, Иван сразу насторожился, открыл глаза. Спиридон будто не заметил заинтересованности царя, замолк, старательно орудуя ширинкой между пальцами. Иван строго поторопил:

– Ну, чем обманул? Откуда взял?

– Это Юрша-то? Волк вовсе не на коня напал, а на боярышню Таисию. Их малайка Васек про то сказывал. Боярышня, вишь, мужиком вырядилась, на травлю увязалась... – Спиридон, основательно привирая, рассказал о происшедшем.

Иван, узнав главное, потерял интерес к дальнейшему. Под монотонное журчание голоса он задремал... Увидел себя на охоте, волк уходит, Казань уходит, а Ворон пнем стоит, плетку измочалил о него, он же ни с места. Вдруг сбоку Данилка, боярский сын, насмехается, лицо его вытягивается и превращается в волчью морду со страшным оскалом. Дрема соскользнула, и слышит Иван:

– ...А еще, юродивая пришла... – Иван повел рукой. Спиридон, не заметив, продолжал: — ...Грыжу боярину вылечила...

Иван сильно толкнул ногой Спиридона в плечо, того как не бывало: подхватив бадейку с водой, платы, ширинки, он исчез.

Минуту спустя государь захрапел как простой смертный.

11

Скрипнула дверь. Спиридон, будто подтолкнутый, оказался перед вошедшим. Узнал духовника царя, попа Сильвестра. Царь разрешил священнику приходить к нему в любое время дня и ночи, но здесь, в Тонинском... Спиридон тихо предупредил:

– Государь изволит почивать.

Сильвестр посохом отстранил его, с поклоном перекрестился на иконы, повернувшись, перекрестил Спиридона и сказал довольно громко:

– Пусть спит, посижу аз.

Прошел в передний угол, поправил фитилек лампы, опустился на скамью и, поставив перед собой посох, оперся на него подбородком. Спиридон недовольно отступил в угол.

Иван спал чутко. Появление Сильвестра обеспокоило его: зачем старик приехал на ночь глядя? Наверное, что-то важное привело его из Москвы... Однако не хотелось расставаться с приятной дремой и вести серьезный разговор.

Сквозь смеженные веки он смотрел на священника. Мигающий свет лампы падал на лики святого Николая и Сильвестра. Что-то общее было между ними. Может, спокойная мудрость?... Или твердая уверенность в тленности всего сущего?... Ряска у Сильвестра сильно поношена, простой железный нагрудный крест без единого камешка... Вот ведь человек: духовный наставник царя, а для себя ничего не хочет. Приношений не приемлет, званий церковных не ищет. Так и числился простым пресвитером Благовещенского собора... А может, и впрямь святой?! Эта мысль испугала Ивана: святой сидит смиренно, ждет, а он, царь, как последний раб, притворяется спящим!

Иван решительно поднялся с ложа, подошел к Сильвестру:

– Благослови, отче.

Сильвестр медленно поднялся, не отрывая сурового взгляда от лица царя, благословил: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, ныне и присно». Протянул крест, Иван поцеловал его и, приложившись к сухонькой руке священника, спросил:

– Как здоровье твое, отче? Все ли ладно на Москве?

– Живот мой в руке Господней. На Москве все ладно. Царица наша, жена твоя Анастасия, и преподобный митрополит Макарий со всеми иерархами ждут. – Голос Сильвестра окреп, появились обличающие ноты. – На завтра ты, государь, назначил молебствование о даровании победы воинству христианскому над казанцами, неверными агарянами. Все уже в сборе днесь, а государя нет! Государю недосуг, гонцов шлет! И что же узнаю? Ввергли его люди злые в греховные игрища. Про пост забыл, Божьих тварей предавал смерти мучительной. Господи! Прости грехи его вольные и невольные!

Сильвестр отвернулся от царя к иконам, долго крестился, читая молитву.

Спиридон из своего темного угла видел слегка сутулую черную фигуру попа и покорно стоящего царя, который в смущении, как провинившийся, оправлял рубаху под пояском. И так-то не в первый раз. Удивительно! Какая же сила должна быть у этого старца, чтобы держать в руках всесильного повелителя! Спиридону стало страшно, он принялся креститься.

Сильвестр закончил молитву. Иван пригласил:

– Присядь, отче. Спирька, скамью! – Дождался, пока сел священник, опустился на свое ложе и начал объяснять: – Про пост я не забыл, как можно, отче. Твари Божьи не трогал. Травили мы волков, стая объявилась, скотину резала, селян тревожила...

Иван, заметив, что священник слушал его рассеяннo, замолк.

Сильвестр тяжело вздохнул:

– О Господи, Господи! Посылаешь Ты нам кары великие за наши прегрешения большие и малые. Поехал тебя встречать, в селе Алексеевском ждал. Там твоего посыльного перехватил, вот сюда приехал. Худые вести, государь. Крымский хан Девлет на нас идет. Скопинский засечный воевода прислал гонца...

– Где гонец?

– Притомился. У меня в колымаге спит. А свиток вот.

Из рукава рясы Сильвестр достал свернутую трубкой бумагу с печатью на шнурке и подал царю. Спиридон, не дожидаясь приказа, зажег от лампы свечи. Иван сорвал печать и углубился в чтение. Сильвестр, положив подбородок на посох, следил за ним. На худом лице царя под редкими волосами зашевелились желваки, темные брови сошлись на переносице. Резко приказал:

– Спирька, выдь. – И уже мягче обратился к Сильвестру: – Что гонец говорил?

– Непокойно у них, крымцы зашевелились. Людишки с Дикого Поля бегут.

– А еще?

– Воев мало, огневого зелья совсем нет...

– А изменнический князь? Гонец ничего не сказывал?

– О Господи, спаси и помилуй! Какой князь?

– Вот слушай, что пишет воевода: «И гонят крымцы с собой русских полоняников. Среди них князь Михаил Иоаннович Рязанский-Бельский. Будто он сын Иоанна Иоанновича, великого князя Рязанского, бежавшего в Литву от твоего батюшки, государя Василия Иоанновича, и будто он зять боярина князя Симеона Федоровича Бельского, бежавшего так же в Литву от твоей матушки, государыни Елены Васильевны. И рассылают крымцы бирючей-полоняников с татарской охраной по заимкам и весям. Читают те бирючи грамоту, в грамоте называет Михаил Иоаннович себя великим князем Рязанским, Белёвским и Тульским. Поносит, хулит тебя по всякому и приказывает всему люду русскому присягать ему. Присягнувших татары не полонят и не разоряют». Что мыслишь по сему, отче?

Сильвестр долго молчал. Иван знал, что сейчас последует рассказ об очередном видении. Но священник вздохнул, встрепенулся и встал. Иван поднялся тоже.

– Государь, – торжественно произнес Сильвестр, – Господь наставил тебя совершить священный поход на Казань. Выступления хана Крымского суть козни врага рода человеческого, дьявола. Не к ночи будь он помянут! – Поп перекрестился и перекрестил Ивана. – Но поход тот дело богоугодное, и никто не помешает свершить его. Ты веди войска на Казань, а орды хана Девлет-Гирея рассеют твои воеводы. Нет такой силы, которая могла бы сравниться с промыслом Всевышнего...

Сильвестр еще долго пророчествовал победу над неверными. Иван же был поглощен другим. Как только священник остановился перевести дух, он спросил:

– Отче, скажи все ж, что мыслишь о князе-изменнике?

Сильвестр помедлил с ответом:

– Нет людей на Руси, кои поверят лживому вымыслу.

– А присягают все ж.

– Слабость являют, боятся в полон идти. А распространители лжи, полоняне-бирючи, суть иуды-предатели, продавшие веру и отчизну за сребреники.

– Истину, отче, истину речешь. Чем сановитее предатель, тем больше сребреников. А сколько перебежчиков есть и будет, одному Богу известно. Потому страх должны иметь: князь-россиянин поднял меч против государя своего – несть прощения ему! – Иван поднялся с ложа, продолжал говорить, с каждым словом воодушевляясь: – От прощения добра не бывает. Матушка моя, государыня Елена Васильевна, Царство ей Небесное, обещала Семье Бельскому забытие делов его. А он, раб бессовестный, пренебрег! И, выходит, породнился с Ивашкой Рязанским, за поимку коего батюшка большие деньги обещал, а султан Оттоманский перебил, больше выкуп дал. Виновных надобно карать, до третьего колена род их выкорчевывать, чтоб каждый помнил, на что идет!

Сильвестр тоже поднялся и перекрестился:

– О Господи! Жестокосердный ты, государь мой, с детства ожесточили тебя. И скор ты на кару, а надобно без злобы, с молитвой. Пойдем в молельню и обратимся к Всевышнему.

– Пойдем. Но прежде я указ дам. – Иван хлопнул в ладоши. Появившемуся Спиридону приказал: – Позвать боярина Прокофия, десятника Юршу, дьяка Ефрема, и сам придешь. Ступай... Хочу, отче, послать, чтобы выловили мне полоняника-иуду, что читает прелестные грамоты. Поспрашаю про Мишку-князька... Юршу-десятника пошлю. Справится ли?

– Знаю такого, на гони быстер. Прошлым летом посылали мы его в Переяславль-Залесский к нагорнинскому настоятелю. Так он обыденкой обернулся, а туда без малого полтораста верст.

– Вот пусть свою прыть покажет. Отметил я его днесь, дорогим конем одарил.

– У тебя, Иоанне, свыше талант даден: отбирать и возвышать верных рабов своих. Ты не ошибся, выделив из стрельцов и приблизив Юршу Монастырского. Надежный воинник – говорю тебе аз.

– Отче, а разузнал ли ты, какого он роду-племени?

– Малое удалось. Подбросили его будто в Суздальский монастырь. Малолетство провел в женском скиту на Белоозере, потом послушником стал в Кирилло-Белозерском монастыре. Там заметил его старец Пантелеймон и благословил на службу стрелецкую вместе с десятком служителей монастырских. Живет он ныне в семье стрельца Акима, воя из его десятка.

– Значит, подкидыш. А могло случиться – вымер род, может, знатный, от холеры или от другого чего, остался последыш. Передали его в монастырь с именем. Старцы имение прибрали, а род последыша предали забвению. Вот и получился Юрша Монастырский. Могло такое статься, а?

– Люди во грехе зачинаются и во грехе пребывают всю жизнь! Стены монастырские от греха не отгораживают. Может, и так.

– Ты все ж, отче, выводывай. Ежели кого нужно, попытать можно... А так Юрша толковый, и, правильно ты говоришь, легок на ногу. Вот приведет бирюча, ближним человеком сделаю... А все ж надежности для отпишу воеводе рязанскому, пусть и он озаботится тем.

12

Стрелецкого десятника Монастырского государь заметил в прошлом году 2 февраля, на Сретение Господне. Тогда день выдался хоть и с морозцем, но солнечный, яркий. На Москверке против башни Свибловой лед расчистили, игрище затеяли, на кулаках сходились добры молодцы.

Народу набралось и на берегу и на реке – туча темная, аж лед трещать начал. Сам государь Иван Васильевич пожаловал – любит он смотреть на забавы богатырские.

Под конец игрища иноземные гости испросили у царя дозволение показать люду московскому рыцарский бой. На лед вышли фряги из охраны гостей почетных и начали «фехтен» – биться на саблях. Тут же на льду их судьи признали победителем сивоволосого долговязого фрязина. Он с достоинством поклонился царю русскому и стал вызывать на поединок русских витязей. Вызвались двое детей боярских, Вукола да Любомысл. Долговязый с Вуколой мигом расправился, в сугроб загнал, саблю из рук выбил. С Любомыслом немного больше бился, порезал ему кафтан на плече, кровь показалась, и судьи признали Любомысла побежденным. Крикнули клич еще. Народа много, а никто не отзывается, поняли войны, что сивоволосый ловок и саблю в руке крепко держит.

Царь Иван сердиться начал, посулил смельчаку рубль серебром, воевод трусами обозвал... Чем бы дело кончилось, неизвестно, если бы не выручил стрелецкий голова. Он сказал царю, что его десятник Монастырский может помериться силами с фрязином.

Юрша вышел на лед. На полголовы ниже иноземца он, а в плечах, может, ему ровня. Долговязый смело пошел в наступление, Юрша отступил. Все людское скопище притихло так, что стал слышен галочий гомон на деревьях вдоль Неглинной. Десятник скоро приноровился к ударам фрязина, ловко начал отражать их, и догадался, что у того сабля небось вершка на два длиннее обычной русской. Целый круг пятился, потом перешел в наступление, оттесняя долговязого на середину очищенного поля. Здесь фрязин, парируя удары, задыхаясь, прохрипел:

– Московит... давай... отдых.

Юрша согласился и сразу отступил. Фрязин наклонился, загреб горсть снега, часть положил в рот, остальным вытер лицо. Юрша тоже хотел вытереться рукавом. Только прикрывшись,

тот зверем бросился на него. Скрипнувший под ногой фрязина снег спас Юршу. Он вовремя отпрянул в сторону, но, поскользнувшись, упал, а иноземец продолжал наносить удары.

Люд московский сроду за справедливость, а тут лежачего бьют! Стражу растолкали, на помощь рванулись. Такой рев грянул, что по Неглинной и в Кремле иней с деревьев посыпался, воронье в небе закружилось. Но помощь не потребовалась. Юрша отбил нападение, откатился в сторону и, улучив момент, вскочил на ноги и тут же сам кинулся на противника. Тот понял, что здорово разозлил соперника: не справившись с лежачим, тем более не одолеет его в равном бою. Сделав последний выпад, он со всех ног бросился к судьям, которые в это время вышли на лед.

Юрша бегать не разучился, он догнал фрязина и со всей силой стегнул его по спине саблей плашмя. Тот упал и распростертым скользнул под ноги своим.

Иван наградил Юршу не одним, как обещал, а двумя рублями серебра, которые тому очень пригодились – они вместе с Акимом ставили новый дом в Стрелецкой слободе. И еще царь повелел с этого дня Юрше и его десятку стрельцов находиться в своей охране.

13

Изба для охраны в Тонинском дворе большая, нары во всю стену двухъярусные, на сорок воев. Огонек лампы освещал лишь образ Богородицы и Георгия Победоносца в переднем углу да выскобленный до белизны стол и скамьи вокруг, а уж по углам шевелилась густая темень.

После ужина Юрша облюбовал себе место на нижних нарах в самом темном углу. Вои его десятка рядом повалились, ребята половчее наверх забрались. Все разом уснули, а Юрше не спится, перебирает он в памяти события дня. Какую награду получил! Серого в темных яблоках коня, лучшего в тонинской конюшне!.. И вдруг Лебедя заслонил образ боярышни. Он вновь ощутил на своих руках теплую тяжесть ее тела, увидел совсем рядом голубые глаза и черные ресницы... Так живо все представилось ему, что аж крякнул от удовольствия. Около него зашевелился Аким, зашептал:

– Не спишь чего?

– Да вот... – и слукавил: – Коня... хорош вельми.

– Этот конь нам заботы прибавит. В поход его брать нельзя.

– Пошто так?

– Рассмотрел я его: жидковат. Мало ездили на нем, на первой же полтысяче верст засе-
кется.

– Не возьмем, а вдруг царь спросит, где подарок? Что тогда?

– Так и объяснишь... Меня другое гложет. Царь Лебедя отдал против воли боярина Прокофия, а нам не с руки его сердить. Может, поговоришь с Прокофием? Коня ему оставить. Вернемся из похода, он расплатится с тобой. А, Юр Василич?

– Жалко.

– Вестимо, жалко.

Юрша начал подыматься с нар:

– Пойду посмотрю все ж.

Он никогда не возражал Акиму, так уж повелось с детства. Тому под пятьдесят, а Юрше в апреле, в день великомученика Георгия Победоносца исполнилось двадцать шесть. И как он начал помнить себя, в Кирилло-Белозерском монастыре всегда рядом находился Аким – учил стрелять из лука, махать саблей, впервые посадил в седло... Тогда Аким большую часть времени уделял Юрше. Получилось так, что маленький послушник хотя и жил в монастырской келье вместе с другими, но имел своего дядьку-воспитателя. Потом Аким женился, но детей у него не было, и со временем все стали считать Юршу его приемным. Точно так же думали и соседи в московской Стрелецкой слободе, где Аким с Юршей строились.

На службе Аким относился к приемному сыну с заметной почтительностью, величал по отчеству, как начального человека; это тоже не удивительно, ведь он стал десятником, а Аким ходил у него в подчинении.

Но Юрша, как и ранее, во всяком деле к советам наставника не оставался глух.

А сейчас видишь чего посоветовал Аким... Отдать царский подарок!.. И как только язык повернулся!

На ходу застегивая терлик, Юрша вышел на крыльцо в раздумье. И вдруг перед ним возник Васек, парень лет шестнадцати, рыжий, веснушчатый.

– Тебя ищу, десятник. На конюшню иди к Ворону, там жди. – Сказал и хотел уйти, но Юрша поймал его за плечо, повернул к себе:

– Кого ждать, выюн?

– Ой, больно! – пискнул тот. – Не велено рассказывать. Там узнаешь.

Васек хитро подмигнул и исчез. А Юршу охватило беспокойство. Еще на охоте он понял, что Васек – доверенный слуга боярышни. Нетрудно догадаться, кто его станет ожидать.

Дворцовая конюшня занимала угол двора, составленного «глаголем», и имела несколько отделений. Юрша еле разыскал в них Ворона. В тусклом свете масляной плошки он увидел коня, стоящего на трех ногах с низко опущенной головой. Около возился конюх. Тот поднял голову, различил на нагруднике вошедшего отличительный знак царской охраны – единорога, но почему-то выругался и продолжал свое дело.

Ждать пришлось недолго. Скрипнула дверь, вошел Васек, за ним четыре женщины, закутанные в шали. Парень от плошки засветил смоляной факел. Женщины опустили на плечи шали. Юрша узнал боярыню Марию, жену Афанасия, и боярышню Таисию в сопровождении сенных девушек. Сняв мурмолку, он низко поклонился. Не обратив на него внимания, Мария и Таисия подошли к Ворону. Конюх, растерявшись, стоял перед ними, обняв бадейку, в которой плескалась вода. Его что-то спросила боярыня, он начал, заикаясь, говорить, что конь не ест и не пьет, скоро околеет, так уж лучше убить его собакам на корм. Заикание прервал звонкий крик боярыни:

– Пошел вон!.. Васек, коновала сюда!

Конюх уронил бадейку, обрызгав боярыню, и, ничего не поняв, стал пятиться к двери. Паренек передал факел девке, выскочил в дверь. Таисия повернулась к Марии:

– Сестричка, а вот это мой спаситель. Юрша, подойди.

Юрша приблизился с поклоном, а выпрямившись, смело посмотрел в глаза боярыне. Высокий кокошник поблескивал в факельном огне, губы презрительно сжаты. Окинула его с ног до головы, смелый вид не понравился и, не скрывая презрения, процедила сквозь зубы:

– Спаси Бог, десятник... Это тебе государь Лебедя отдал?

– Мне, боярыня. Однако ж я уйду в поход и буду просить боярина Прокофия оставить Лебедя здесь. А, Бог даст, вернусь из похода, тогда решим, как с конем быть.

Таисия вся востепенулась, улыбнулась ему и быстро заговорила:

– Вот, сестричка, я говорила тебе: он хороший, смелый, добрый!

Мария зло зыркнула на нее, Таисия, не заметив ее взгляда, продолжала:

– Он меня от волка спас! – И, повернувшись к Юрше: – Мы за тебя будем Бога молить. Он убережет тебя от вражеских стрел и сабель.

Юрша, приложив руку к груди, поклонился, в то время как сердце его буйствовало от радости. Тут вбежали коновал, старший конюх и Васек. Юрша увидел заглянувшего в дверь Акима, который делал ему какие-то знаки. Выслушав его, Юрша довольно громко сказал:

– Прошу прощения, государь зовет. – Еще раз поклонился и вышел.

Боярыня Мария заметила необыкновенное волнение Таисии и долгий взгляд, которым та проводила десятника. Возвращаясь в хоромы, она сказала, что не резон боярышне заглядывать на простого воя, даже на такого статного.

Аким же так и этак прикидывал: зачем государю понадобился, да еще ночью, Юрша? Ничего путного не надумав, направился к царевым покоям. От стражника узнал, что у Ивана Васильевича много народа. Аким спрятался в темном углу коридора. А вскоре он увидел, как ушел царь с Сильвестром и Спиридоном, а из другой двери появились Прокофий, Юрша и дьяк. Постояли, поговорили и разошлись. Аким в переходе нагнал Юршу. Тот на его немой вопрос ответил:

– С зарей выезжаем в Москву. Получим еще два десятка стрельцов, все в два-конь, едем в Дикое Поле. Обратно в Коломну должны привезти языка из татар.

Аким забеспокоился:

– Дикое Поле – конец немалый! У нас никто дорогу туда не знает. Да еще татар искать...

– До Скопина поведет нас тамошний гонец, здесь он. Дальше засечный воевода людей даст, грамоту ему повезу... Пошли спать, сказывают, утро вечера мудренее.

14

Было уже близ полуночи, когда Иван отдал все распоряжения, касающиеся отъезда Юрши. Царю хотелось спать, но Сильвестр потащил его в молельню, напомнив, что молитва в полуночный час особенно приятна Господу. Спиридон и один из стражников последовали за ним, второй побежал предупредить голову охраны, что государь покинул «келью».

В это время боярич Даниил распрощался с двоюродным братом Афанасием и пошел в отведенные ему покои. Он был здорово навеселе – выпили зелена вина немало, буйство распирало его, он вырвал свечу у сопровождавшего холопа, замахнулся на него, тот еле увернулся и последовал за боярином, но уже на почтительном расстоянии. По пути Даниил заглядывал во все чуланы и темные углы, надеясь поймать какую-нибудь зазевавшуюся девку. Сегодня он считал себя трижды обиженным: царь не приветил, хоть волка все ж он оглушил, боярин Прокофий на него накричал, а за что? И вот братеник отвел ему покои не на своей половине, как родственнику, а как гостю. И обидно и досадно, а спорить не станешь.

Афанасий же, выпроводив Даниила, походил по горнице, выпил квасу. Холопу приказал убрать со стола и хотел идти на половину жены, когда вбежал Спиридон:

– Беда, боярич! Из царской опочивальни пропала грамота, что привез гонец с засеки. Поможешь найти иль будить боярина Прокофия?

– Помогу. Грамота нужна царю?

– Ему.

– Откуда пропала?

– Оставил в «келье», а сейчас там нету. Стражник говорит, что проходил только твой холоп.

Афанасий быстро повернулся к холопу, убравшему стол:

– Ты в царевой «келье» был?

– Нет, упаси Бог! Мы порядок ведаем. Боярич же Данила во все чуланы шастал, он и в «келью» заходил.

– Чего-нибудь вынес оттуда?

– Не, не видел. Кажись, одна свеча в руке была.

Спиридон заторопил:

– Где он? Пошли, боярич. Государь с меня голову снимет, да и тебя не помилует.

Пустились чуть не бегом, прихватив и холопа. Ворвались в светелку. Даниил стоял в переднем углу перед иконой с лампадой и читал свиток, услышав шум, поспешил спрятать его за спину. Спиридон прыгнул к нему, вырвав свиток, крикнул:

– Тот самый! – И выскочил за дверь.

Даниил опомнился и с пьяным криком: «Смерд! Как смеешь!» хотел погнаться за ним, но Афанасий удержал:

– Данила, в уме ли ты? Это свиток царя, он ищет его.

– Ну и что?! Нашел... А знаешь, что там...

– И знать не хочу. Ты, братец, пьян. Ложись-ка спать.

Афанасий и его холоп помогли Даниилу раздеться, уложили на постель. Тот все время порывался рассказать, что ему удалось прочесть. Афанасию было любопытно узнать, но через силу делал вид, будто то его не интересует. Он отпустил холопа и принялся уговаривать Даниила помолчать и уснуть, чем раззадорил пьяного еще больше. Но когда из пьяной болтовни Афанасий понял, что крымцы ведут какого-то самозванного великого князя Михаила Ивановича, ему стало страшно. Он решил уйти от греха подальше. Потихоньку отошел от кровати, отворил дверь и поймал за волосы метнувшегося было в сторону Васька.

– Почему не спишь?! Подслушиваешь?

Афанасий дал ему увесистую затрещину. Васек взмолился:

– Ой, не бей, боярин! Все скажу! Разбудил меня царев Спирька. Именем государя заставил тут быть. Замечать, с кем боярин Даниил говорить будет.

Афанасий сразу отпустил парня, сдерживая злобу, сказал:

– Ну, раз велел, стой тут. Да не усни смотри. Запомни: я пришел сюда вместе со Спирькой. Понял?

– Да, боярин.

– И сразу ушел.

– Сразу, боярин.

– А боярич Данила дюже пьян, тут же уснул.

– Уснул, боярин.

Вернувшись к себе, Афанасий не находил места. Малайка Васек, оказывается, Спирькин наушник! Никому не ведомо, что он может наговорить! И тронуть его теперь опасно. Вот незадача. Что он слышал? Как холоп ушел, дверь осталась приоткрытой! Может, с умыслом? Ой-ей-ей! Какие дела!

15

Царь Иван IV Васильевич, несмотря на свою молодость, просыпался рано, и окружение знало это. Все, кто хотел услужить, старались с восходом солнца быть вблизи его опочивальни.

Накануне Иван уснул поздно, после длительной молитвы. Из молельни он не пошел в «келью», а лег в спальне в большую квадратную кровать под розовым пологом. Проснулся как всегда – только ранние лучи солнца заглянули в окно. Приподняв край полога, Иван выглянул. Около самой кровати на медвежьей шкуре, свернувшись, сладко спал Спиридон. Однако стоило Ивану прошептать: «Спирька», тот уже стоял перед ним:

– Слушаю, государь.

– За Данилкой следят?

– Следят, государь.

– Ступай узнай, кто был у него. А Данилке скажи, чтобы шел ко мне.

Спиридон беззвучно оказался за дверью и тут же вернулся:

– Государь, боярич Афанасий просит допустить немедленно.

Иван недовольно спросил:

– Что ему приспичило?

– Спешное дело, говорит.

– Пусть войдет.

Афанасий, сгорбившись, приблизился к кровати. Вид у него был помятый, болезненный, ночью глаз не сомкнул от раздумий. Остановившись, недоуменно смотрел и не мог сообразить, где же за пологом царь. Иван следил за ним в щелочку между половинами полога и размышлял: за чем пожаловал? Наконец разрешил говорить.

– Государь, скрытное дело, дозволю с глазу на глаз.

– Спирька, ты тут? Иди куда послал. – Царь сказал, а сам нащупал под подушкой большой нож, положил его удобнее. Афанасий согнулся еще ниже:

– Государь, вечер мы со Спирькой вошли к Даниле. Он читал твой свиток. – Афанасий замолк, молчал и царь. Потом настороженно спросил:

– Он говорил тебе, что в грамоте?

– Да, государь. По пьянке болтал несуразное.

– Что сказал?

– Говорил, что идут крымцы и ведет их Михаил Иоаннович, якобы великий князь.

Иван отвернул полог и спросил с издевкой:

– Какой же это великий князь, кроме нас?

– Другой, из Литвы. И будто он не признает тебя государем, а хочет на престол московский возвести Юрия Васильевича...

Афанасий увидел на лице царя подобие улыбки, более похожей на оскал. Иван продолжал издеваться:

– Мой брат Юрий Васильевич глух и безгласен. Как он может стать великим князем?

– Афанасий про другого, кой старше тебя, государь. Сын великой княгини Соломонии...

Иван соскочил с кровати, лицо его перекошилось, глаза готовы вывалиться из орбит. Он схватил обеими руками Афанасия за воротник рубахи с такой силой, словно собирался удушить.

– Врешь, подлый! Этого не было в грамоте!

Афанасий прохрипел:

– Слова Данилы, Богом клянусь!

Вошел Спиридон. Ему показалось, что царь отбивается, он выхватил нож, и мгновение отделяло боярича от смерти. Иван это понял, сильно толкнул Афанасия, который упал на колени, и поднял руку. Спокойно, будто ничего не случилось, сказал Спиридону:

– Не тронь. – Пошел, сел на постель. Некоторое время почесывал редкую бороду. Афанасий стоял на коленях, закрыв лицо руками.

– Запомни, Афонька, – Иван говорил отдельно и внушительно. – Никакого разговора у нас не было, и ты ничего не слыхал от Данилки. Забудь все, иначе укорочу тебя на голову! А теперь выдь на минутку. – Когда дверь за ним закрылась, обратился к Спиридону: – Ну?

– У боярича Данилы был только боярич Афанасий. Уложил его спать. Данила много говорил про крымцев, про твоего братца, князя Юрия Васильевича, и другое, а что именно, мой дурак не запомнил. Я дал ему по морде.

Иван закинул ноги на кровать и, укрываясь одеялом, как бы про себя сказал:

– Опередил боярич... Ладно. Кто следил?

– Васек, малайка боярина Прокофия.

– Дурак ты, Спирька. Наушников не быют. Их либо вешают, либо награждают. Дай малайке семик, он тебе еще пригодится. Что еще?

– Малайка говорил, что поймал его Афанасий под дверью и отдубасил...

Неожиданно для Спиридона Иван от души рассмеялся:

– Еще раз ты дурак, Спирька! А я ломаю голову, почему брат на брата пошел? Почему родичи перегрызлись? Ловок Афоня! Зови его сюда.

Вошел Афанасий и повалился около кровати:

– Помилуй, государь! Не ведаю, чем прогневал тебя!

Иван довольно весело посмотрел на боярича:

– Вставай, Афоня, хвалю, что не таился от меня. Но запомни: сказанное мне не повторяй никому, даже на исповеди. Грех на свою душу беру. Понял?

– Понял, государь.

– И еще. Ты не должен сейчас видеть Данилу. Собирайся по-скорому и скачи в Москву. В Разбойном приказе найдешь Юршу, поедешь с ним в Дикое Поле. Отвечает за дело Юрша, ты под его началом.

Афанасий сделал протестующее движение, но вслух побоялся напомнить, что ему не ровня какой-то безродный Монастырский. Однако Иван понял немой протест:

– Я сказал: под его начало. Но будешь при нем моим оком. Понял? Иди. Спирька, крикни Мокрушу и одеваться, быстро!

16

В это утро произошло небывалое: царь Иван, не дождавшись заутрени, получил благословение Сильвестра и выехал в Москву. Прокофий хотел сопровождать его, но Иван приказал ему остаться в Тонинском, а Даниила взял с собой.

Прохладный утренний воздух разогнал последние остатки хмеля, и Даниил начал соображать, что через час-другой они будут в Кремле, там можно испить холодного кваса. В предвкушении того удовольствия даже улыбнулся и тут же перехватил мрачный взгляд царя. Иван спросил:

– Весело? Какой сон видел?

– Не помню, государь. Никакого.

– Ладно.

От Тонинского отъехали версты три, когда из-за кустов вышел человек. Стражник тут же наехал на него, но, узнав царского палача Мокрушу, осадил коня. Мокруша был одет, как преуспевающий купец, в длинный серый кафтан, в сапоги с короткими голенищами. Сняв муромку с отворотами из дорогого меха, он поклонился и негромко сказал, не глядя на царя:

– Сделано все, как ты указал, государь.

– Далеко?

– Не. Может, полверсты.

Иван подозвал Нарышкина:

– Веди поезд. В Алексеевском подождешь меня. Вот этих пятерых оставь, и ты, Данила, оставайся. Езжайте с Богом.

Иван дождался, пока миновал поезд. Его замыкала колымага Сильвестра, старик дремал на заднем сиденье. Царь развеселился, наблюдая, как заупрямился конь Мокруши. Все еще продолжая посмеиваться, поехал за ним по еле заметной лесной тропинке в сопровождении Даниила и Спиридона. Страже было приказано остаться на дороге.

Вскоре выехали на небольшую поляну, посреди которой стояла покляпая сосна. Их встретили два здоровенных мужика – помощники Мокруши, одетые в зловещие красные рубахи с красными же кушаками, поверх них кожаные фартуки – всегдашняя одежда палачей. Недалеко от сосны полыхал костер. На поваленном бревне разложены инструменты катов. Даниил, почувствовав недоброе, взглянул на царя. Тот насмешливо приказал:

– Ну что, боярич Данила, догадываешься, кого ждут?

Даниил, не поняв ничего, хотел повернуть коня, но не успел поднять плетки, как очутился на земле в руках катов. Они подтащили его к сосне и принялись раздевать. Даниил взмолился:

– Государь, за что? Чем провинился? Государь!..

Иван подъехал ближе и молча наблюдал за происходящим. Каты затянули заранее приготовленные петли, и Даниил оказался подвешенным за руки к сосне, с ногами, привязанными

к тяжелому бревну. Ощувив боль от врезавшихся веревок, он перестал вопрошать и злобно глядел на царя. Некоторое время они смотрели друг другу в глаза, с лица царя сползла веселость, взгляд Ивана стал холоден и беспощаден, глаза постепенно расширились, сверкая белками. Мало кто выдерживал его взгляд, но Даниил выдержал, чем еще больше разъярил царя.

– Зачем ты, раб лукавый, украл присланную мне грамоту?

– Я не крал. Свиток валялся на полу.

– Кому ты хотел передать его?

– Никому, государь, как перед Богом! Не думал я, что в твои покои попал. Пьян был.

– Прочел?

– Как мог прочесть? Я вельми пьян был.

Иван покачал головой и подытожил:

– Ой, Данила, Данила! Зачем же мне, государю своему, врешь, да еще Богом клянешься?

Двадцать плетей, чтоб в другой раз не врал!

Каты секли с двух сторон ремennыми кнутами с оттягиванием. На спине Даниила ложились крест-накрест наливающиеся кровью жгуты. После пятой пары ударов потекли струйки крови. Даниил истошно вопил, эхо вторило и множило его крики. Конь под Иваном метался, не слушался узды. После двадцатого удара каты вытерли кнуты пучками травы, свернули кольцами и отошли. Даниил продолжал вопить, хотя много тише, Иван крикнул:

– Замолчь, скотина!

Даниил, верно, не услышал.

Царь кивнул катам:

– Еще десять.

Каты исполнили приказ, Даниил обвис на веревках. Мокруша взял кожаную бадейку с приготовленной водой, окатил боярича. Даниил, застонав, открыл глаза. Иван резко выговорил:

– За вранье будешь еще бит, Данилка. Понял?

– Понял, государь. О, Господи! – Голос Даниила изменился, стал хриплым и глухим. – Зачем так больно, государь?

– Станешь врать, еще больнее будет. Теперь отвечай: прочел грамоту?

– Прочел половину... Спирька вырвал. Как перед Богом!

– Обрадовался, что узнал?

– Чему радоваться, государь? Ведь крымцы идут.

– А про Мишку-князя молчишь? Язык прикусил. Теперь главное. Кто тебе сказал, что жив сын великой княгини Соломонии? Слышь? Говори. – Даниил громко застонал. – Молчишь? Огня!

Мокруша надел рукавицы, выбрал из костра большой горящий сук, поднес к его ногам. Даниил задергался, заревел, завизжал. Иван кивнул другому кату, и еще одна головня коснулась ног Даниила. Запахло горелым мясом. Даниил кричал все слабее и слабее, потом сильно дернулся последний раз и, захрипев, обвис на веревках. Палачи отбросили горящие суки, выгребли из-под ног уголья, Мокруша вылил воду на Даниила и сказал:

– Хлипкий мужик, долго не выдюжит. Отдохнуть ему надо, государь.

– Времени нет. Давай еще воды.

Медленно приходил в себя Даниил. Поднял голову, странным, безумным взглядом окинул поляну и остановился на Иване. Вдруг задергался и дико захохотал, сквозь смех выкрикивая:

– Струсил!.. Ивашка струсил! Идет, идет сын Соломонии! Законный государь! А тебя, выблядка, вон! Вот так же повесят, как меня.

Теперь и Иван заорал по-безумному:

– Язык! Язык! Вырвать язык ему, сволочи!

Каты заторопились. Опустили Даниила на землю. Тот отбивался и поносил царя. Наконец каты одолели его. Металлическим клином, ломая зубы, разжали челюсти. Мокруша пальцами вытянул язык и резанул ножом. Каты отскочили в разные стороны. Даниил, захлебываясь кровью, катался по примятой траве. Иван, перевесившись так, что чуть не свалился с седла, следил за происходящим, что-то кричал. Потом спохватился:

– Ах, вашу!.. Ведь он не сказал ничего! Ах, гады ползучие! Поспешили, когда не надо! Вот вам! Вот вам! – Иван наезжал конем на катов и бил их плетью. Они не загораживались, согнувшись под ударами, поспешно складывали в корзины свое хозяйство. Больше всего плетей досталось Мокруше, который медленнее других забирался в седло. Теперь Иван гонялся за конными катками и, задыхаясь, кричал:

– Пошли, пошли отсель! Скорей! Скорей! – И сам прищепил коня.

Спиридон следил за Иваном, стараясь не оказаться перед ним и не получить плетей. Он не впервые присутствовал на пытках, научился не рассуждать – раз государь казнит, значит, так надо. И тем не менее сегодня появилось сомнение: то ли содеяно? Почему оставил боярича на верную, мучительную смерть? Куда и почему заспешил государь? Но быстро отогнал от себя эти крамольные мысли – не его ума дело.

Оказавшись в лесу, Иван заметно успокоился. Впереди его ехали каты, позади – Спиридон. Он кликнул Мокрушу, тот придержал коня, сжавшись, ждал плетей. Однако Иван сказал только:

– Пошли кого из своих к Прокофию, пусть заберет.

– Может, вернуться, полечить? – осмелился предложить Мокруша. – Помрет, чего доброго.

– Околеет, туда и дорога.

Больше Иван ни с кем не разговаривал, в селе Алексеевском перегнал поезд и до Кремля скакал не останавливаясь, безжалостно нахлестывая коня.

Прислушиваясь к затихающему топоту отъехавших коней, на поляну вышли три мужика, оборванные, заросшие, прокопченные дымом у костров. Воровато направились к сосне, увидели одежду Даниила, перетряхнули ее, обшарили. Маленький высказал сожаление:

– Эх-ма, обообрали! А видать, этот из бояр был.

Седой мужик, может, предводитель, распорядился:

– Свяжи и неси, там разберемся. – Подошел к Даниилу, который, скорчившись, лежал на боку. Его лицо и трава вокруг были в крови. Он не стонал, не шевелился, только с каждым вздохом изо рта пузырилась кровь. К исполосованной, почерневшей спине прилипли листья, травинки и комочки земли. Ноги его оставались привязанными к бревну, на руках висели куски веревок. – Никак жив еще?

Тщедушный мужик предложил:

– Может, отнесем на пасеку? Тут недалече. Так сгинет, а Сургун выходит. Выкуп возьмем.

Седой усомнился:

– Петлю возьмешь. Искать начнут.

– Не, Сургун глаза отведет. У него не найдут.

– Кладите ко мне на хребет, отнесу, – сказал третий мужик.

Подняли, положили на спину и пошли. Маленький рассуждал:

– Видать, отделали его лесовики, вроде нас. Чьи бы могли? Одеты чисто...

Тот, который согнулся под ношей, уточнил:

– Какие лесовики! Что в кафтане – знакомец мой, Мокруша, царев кат. Полста плетей отсчитал мне. А тот на коне... Страшно сказать!

Седой подтвердил:

– Он самый, государь! Чинил суд и расправу.

Маленький так и присел:

– Он! Сам?! Вот те и на!

За лесовиками сошлись кусты...

Немного позднее на поляну прискакал Прокофий с холопами. Увидел лишь помятую траву, следы коней, ошметки крови да обрывки веревок. Даниила нигде не было. Облазили округу, заехали к пасечнику Сургуну. Сухощавый седой старик в длинной белой рубахе возился с колодами. Увидал боярина, бегом побежал, хмельного пива поднес, холопам – кваса с ледника. Христом Богом клялся – никого не видел, ничего не слышал. Для порядка обыскали пасеку, землянку, сарай. Уехали, забрав бадейку меда.

Прокофий шум поднимать не стал. Объявил сестре и зятю, что пропал их сын Даниил. Может, на разбойников наткнулся, а может, с диким зверем повстречался не в урочный час. Всякое бывает. Насчет царского гнева не обмолвился, да и не знал толком, за что разгневался государь. Отслужили панихиду по вновь преставившемуся, поплакали, поминки устроили.

Так и сгинул жилец государев Даниил Патриков.

17

В тот день, 16 июня 1552 года, великий князь Московский, царь всея Руси Иоанн Четвертый Васильевич присутствовал на молебне в Успенском соборе; получил благословение митрополита Макария, в Архангельском соборе поклонился праху предков своих, а затем уж перед всем двором простился с государыней Анастасией. Иван поручил царице делать добрые дела всякие: ежели посчитает нужным – пусть освобождает виновных из-под опалы царской, открывает двери темниц и всякие другие богоугодные дела совершает во имя победы над агарянами казанскими.

Сопровождаемый звоном колоколов и добрыми пожеланиями, Иван выступил в поход во главе воинства московского под личным стягом с образом Спасителя, а на верху древка – крест, который был у великого князя Дмитрия на Дону. За Москворечьем пересел с разукрашенного коня в легкую колымагу и велел кликнуть Алексея Адашева, окольного.

Адашев, осадив коня близ колымаги, спешил. Иван, слегка подвинувшись на пуховых подушках, пригласил его в колымагу. Окольный не осмелился сесть рядом, а примостился в ногах государя, неприметный в своей серой однорядке. Лет ему было под тридцать, спокойная уверенность отражалась на его лице, на вопросы отвечал без торопливости.

– Челобитей богато? – спросил Иван.

– Богато, государь. Приказных подьячих учу по челобитным миром кончать – не ко времени сей день свары заводить. И еще согласия прошу: ответчикам и просителям, кои в войска идут, твоим именем объявлять суд Божий – неправых покарает Господь десницами Своей на поле брани; после дела казанского правого видно будет. Предвижу – убавится челобитных.

Иван усмехнулся:

– Сие мудро! Согласие даю. Однако ж многим не по шерсти будет... Как воеводы? Не грызутся втайне?

– Бог миловал. Все знают свои места по твоей росписи... Из Углича прибежал вестник со словами боярина Морозова: два добрых сруба церковных заготовили из угличской сосны, да полтора десятка башенных срубов дубовых для «тарасов» подвижных. На баржи грузить начали. Из Рязани уже вышли баржи с хлебом. Из Свяжска протопоп Тимофей грамоту прислал. Отписывает: твое слово, государь, и поучение святейшего митрополита Макария укрепили дух воевод и воинов. Привезенная освященная вода московская исцеляет цингой заболевших. Опять же, отец Тимофей именем Всевышнего принудил всех вместо речной воды пить

клюквенные и хвойные отвары на воде из святого источника, сие зело больным помогает, ежели с молитвой.

...На каждый вопрос государя готовый ответ: и пушечный наряд, и зелье огненное, и обиход простого воя – портянки или чеботы – обо всем видна забота, радение. Радуется Иван толковому помощнику в делах больших и малых. Радуется и замечает: со слов окольного все деяния исходят от него, от государя. Ладно ли сие? А Андрей Адашев продолжает:

– ...Муромские и арзамасские воеводы по твоему указу заготовили десять тысяч саженных кольев заостренных и вяжут из них двухсаженные плетни. А еще доплетают пять тысяч корзин ивовых...

– Не давал я такого указа! – высказал сомнение Иван. – Корзины на кой ляд?

– Прощения прошу, государь. Был твой указ на это, – не растерялся окольный. – В ту пору, государь, ты о прошлом походе на Казань сказывал. Много-де наших полегло под стенами от стрел агарян поганых. Ты тогда добро сказал: ежели близ стен казанских насыпь сделать, землю корзинами таскать, а на насыпи щиты из кольев...

– Было, было такое, про гуляй-город тогда разговор шел, – вспомнил Иван и про себя отметил: «Во память какая!» Вслух спросил: – А кто ивовые прутья да ореховые для туров готовит?

– Свяжские воеводы. У них там ивовые и ореховые заросли на версты.

– Исполать, Алексей сын Федора! Быть тебе головою действ хитростных против твердыни казанской!

– Благодарствую, государь, живота не пожалею! Однако главою все ж князя ставь, а меня его товарищем.

– У князей-воевод свои заботы. А у нас теперь, слава богу, не по знатности во главу ставим...

...Так за делами воинскими и большими государственными время незаметно прошло, прибыли в село Коломенское. Отобедали тут, отдохнули и дальше тронулись. Теперь государь в колымаге своей вел душеспасительную беседу с протопопом Андреем, походным духовником своим.

Ночевать остановились в селе Острове. После ужина Иван ненадолго прошел в пытошную избу, что стояла над Юшункой-рекой. Оттуда вернулся в опочивальню и долго клал земные поклоны перед киотом.

18

Во все стороны от Москвы разбегаются дороги разные, накатанные, утопанные. Много люда всякого снует по ним и по делу и по безделию. В июне 1552 года самой оживленной была дорога Коломенская. С утра до поздней ночи по ней шли ополченцы пешие, скакали воины конные, тащились телеги, доверху груженные ратным снарядам и харчем для воинов. По обочинам гнали табуны коней, с ревом и блеянием медленно плелись стада коров да овец, чтобы было чем разговеться воинству русскому после Петрова поста, в день святых Петра и Павла.

Лето выдалось сухим и знойным, и все движущееся по дороге поднимало цепкую, пыльную пыль. Особенно густую пыль поднимал отряд Юрши Монастырского, без малого тридцать всадников в два-конь каждый. К тому же поспешают они – задержали их в Разбойном и Стрелецком приказах. Сперва ехали по четыре коня в ряд. Впереди десяток Юрши, все в красных терликах с нагрудниками, на которых вышит знак царской охраны – невиданный зверь единорог. За ними полтора десятка стрельцов тоже в красных терликах, только у этих нагрудники с орлом. Одеждой отличались два конника: гонец скопинский – в сером кафтане, насквозь пропыленном, да боярич Афанасий, этот в легком полукафтани темно-зеленого сукна и в корич-

невом полотняном налатнике. А лошади все одной масти – мышинной, потому что пропотели и запылились. Оружие также одинаковое: сабля да саадак – чехол для лука и колчан со стрелами. Да у половины стрельцов к седлам запасных лошадей приторочены короткие пищали.

Ехали ходко, больше широкой рысью, наметом мешали запасные кони; отдыхали всего раз под Броничами. Юрша полагал ночевать за Коломной, по ту сторону Оки. Ан не вышло, ближе к городу дорогу забили ополченцы, двигаясь шагом. Опять же, десятник московских стрельцов сказал, что их кони по много верст давно не ходили, сразу загнать можно. Хочешь не хочешь, еще засветло пришлось становиться на ночевку, не доезжая до Коломны. Прежде всего о конях забота – торбы с овсом подвязали им, чистить от пыли и пота принялись. Потом о себе – тюрю приготовили: мелко накрошили хлеб с луком, полили постным маслом, добавили речной воды. Поели плотно, фунта по два, по три хлеба на брата; утром на завтрак будет на половину меньше – в дальнюю дорогу есть много не полагалось. Лошадь – другое дело, и утром, и в полдень, и вечером давали досыта, им полный желудок в пути не помеха.

Снялись с первыми лучами солнца. Чтобы выиграть время, Коломну решили миновать, поехали в обход прямо к Верхнему броду. Оттуда на Зарайск дорога пошла не такая широкая, как Коломенская, но гораздо спокойнее – редко-редко со встречным разминутся. Впереди скопинский гонец, он дорогу знает, да стрелец Аким. За ними Юрша и Афанасий, позади стрельцы, как всегда, по четыре коня в ряд.

Теперь Юрша, позволив себе расслабиться, задумался... И в который раз явственно встала перед ним картина последних минут перед отъездом из тонинского дворца...

Оранжевая зорька разгорается-полыхает на востоке. Петухи многоголосо перекликаются на царском дворе и в деревне... Стрельцы Юршиного десятка выводят коней, седлают их и тихонько переругиваются – перед дворцом тишина строго оберегается, за громкий разговор можно запросто плетей схватить!

Юрша седлал Славича, когда к нему из-за коней вывернулась девка:

– Батюшка-десятник, беги в трапезную, там тебя боярышня ждет, – прострекотала скороговоркой и была такова.

Седлавший рядом своего коня Аким принял уздечку Славича.

Юрша хотел было побежать на зов, но удержался и пошел быстрым шагом. И все ж почему-то перехватило дыхание...

Вошел в трапезную. В утренней полутьме – никого. Направился к двери в боярскую половину. У изразцовой печи увидел Таисию. В зеленом шушуне, на лбу темные волосы перехвачены зеленой лентой, такие же в косе... Показалась ему Таисия зеленой елочкой, ожившей как в сказке. Сорвал Юрша мурмолку с головы и прижал ее обеими руками к груди, поклонился слегка. Затаив дыхание и опустив глаза, стояли они друг против друга. Первой подняла свои лучистые глаза Таисия и тихо промолвила:

– Юрий Васильевич, слыхала я, уезжаешь ты в Дикое Поле. Будешь ли там помнить меня?

Юрша не сказал, а выдохнул:

– Боярышня! Таисия Прокофьевна! Мне ли забыть тебя!

Он глянул на нее, и дальнейшее объяснение было не словами, а взглядами. Ее ясные глаза в предутренней темноте сказали Юрше такое, чего часто и не скажешь. Да и нужны ли тут слова?!

Понятный только для них немой разговор прервала Таисия:

– Дай надену на тебя вот этот крестик и ладанку. В ладанке прядка из косы моей, чтобы ты никогда не забыл меня! А крест Господень сбережет тебя от всякого лиха, от стрелы и меча вражеского.

Поцеловав крестик, она надела цепочку и ленточку с ладанкой Юрше на шею. Он выпрямился, а ее руки остались на его плечах. Таисия, стоя на цыпочках, припала к нему. Он обнял девушку, и время остановилось...

Где-то скрипнула дверь, слышались тяжелые шаги. Таисия вырвалась и юркнула прочь. Юрша остался стоять и только немного посторонился, когда появился боярич Афанасий, тот прошел через трапезную, как слепой, натываясь на скамьи, и скрылся на государственной половине. Юрша, слегка пошатываясь, вышел во двор и тут же вернулся за шапкой, оставленной возле печи...

Радость и тревога овладели десятником. Перед ним вставали безответные вопросы: почему боярская дочь выбрала его, простого стрельца, бывшего послушника? Что, детей боярских мало, что ль? А может, балует девка? Ведь нарядилась она мужиком на охоте!!! И вдруг ужом заползла мысль: «А чем я хуже детей боярских? В ратном деле я их за пояс заткну!» И тут же появлялось желание разыскать своих родителей: ведь где-то они должны быть! И опять, в который раз пред ним встает инокиня, ее скорбное, бледное лицо со следами слез, ангельские печальные небесно-голубые глаза... Приближается он к ней, падает на колени. Она кладет руку на его голову, шепчет молитву, просит Богородицу сохранить отрока от злых людей, не взыскивать с него грехи родителей... Было ему тогда, он хорошо то помнит, тринадцать лет, и больше он не видел ее светлого лица... Кто эта инокиня? Она не простая монашка; помнит он, как почтительно относился к ней сопровождавший его старец Пантелеймон... А вдруг эта инокиня – его мать? Только мать может так молиться за чадо свое! Следовательно, и он?... Такие мысли бросали Юршу в жар, он гнал их от себя и твердил чуть ли не вслух: «Сон это, сон! Я – простой послушник монастырский. Вот только государь отметил меня. Дай Бог ему долголетия!...»

Будто очнулся Юрша ото сна, и грустного и приятного... Дорога шла по темному бору. Впереди – верный Аким, а рядом Афанасий... И мысли приняли другой оборот – вспомнил поручение государя... Ведь это сказать просто: пойдешь поймаешь, привози языка! А как поймать? Говорят, бирючи впереди орды идут. Значит, нужно выйти на путь орды, искать селение и ждать. А вдруг не придут, минуют? А придут с охраной, вступать в бой, хватать бирюча, да того, который с грамотой, и удирать... А какая охрана? А тут еще боярич Афанасий на его выю! Зачем послал его государь? Поставил бы головой, понятно было б, а то – товарищем-помощником! Если возьмем языка, все будет ладно. А вдруг неудача? Боярич могилу глубокую выроет, не выскочишь!

...А у Афанасия свои думы. Ведь в Дикое Поле погнался государь! За какие прегрешения? Он ли не служил верой да правдой! Во всем виноват этот пропойца Данилка! Ведь надо ж послать под начало десятника его, боярича! Правда, отец успокоил, а он честь рода блюдет строго, – будто государь ему сказал, что не пировать посылает, дело тяжелое, Афоню, дескать, жалеючи головой не назначаю. Да и Афанасий убедился, что Юрша не возрадовался-возгордился назначеньем, сам предложил:

– Хочешь, боярич, под твоё начало стану?

Но воспротивился Афанасий:

– Нет, десятник. Пусть будет как государь повелел. – А все ж про себя подумал: «Монастырский-то себе на уме! Может, подсмеяться хотел, подкидывш?»

И все ж, как ни поноси, а рядом ехать нужно и дело сообща вершить!

Следующую ночь провели за Михайловом, на реке Проня. Юрша в душе негодовал: слишком медленно двигались, всего верст сто в день! Но впереди предстояли трудные дела, и он не хотел ссориться с московскими стрельцами.

Через каждые сорок верст десятник оставлял подставы – шесть лошадей, двух стрельцов, старшим – одного из своего десятка. Возвращаться государь приказал в Коломну, тут он хотел встретить день апостолов Петра и Павла, после, если не появятся крымчаки, двинуться на Казань.

В Скопин прибыли около полудня. Здесь сделали большой привал, сварили хлебово – густой кулеш, приправленный подсолнечным маслом. Пока люди отдыхали, Юрша разыскал

воеводу и отдал ему государеву грамоту. Тот прочел и не задумываясь приказал крикнуть Микиту Кривого. Юрше не понравилась такая поспешность, но он решил посмотреть, что это за человек.

Вошел мужик небольшого роста, на левый бок скривленный, снял колпак и степенно перекрестился.

Воевода сказал:

– Поведешь государевых воев на Дон, на Елец-поле. По пути своих поспрашивай или татарина поймай. Государю надобна прелестная грамота, что читают по селам татарские бирючи, и язык при той грамоте. Понял?

Мужик чесал голову и смотрел в потолок. Воевода недовольно покосился на него:

– Спрашиваю: понял?

– Тяжелое дело, боярин. У грамоты той всегда полсотня крымцев болтается. А царевых воев, я посчитал, двух десятков нет.

Неказистый мужик понравился Юрше: не из трусливых, к тому же сметливый.

– Умничаешь, Микитка! Смотри у меня! – вспыхнул воевода. Повернувшись к Юрше, уже другим тоном добавил: – С людьми у меня трудно. Дам тебе десяток стрельцов да двадцать мужиков-ополченцев. Не обессудь, больше не могу.

19

От Скопина верст двадцать ехали по дороге вдоль засечной линии. Юрша много слышал про оборонительные рубежи уkraine, но увидеть их довелось впервые. Вдоль дороги по правую и левую стороны тянулись непроходимые лесные завалы. Деревья были повалены вершинами в сторону противника, между ними колючий кустарник – и живой, и нерубленный. Всюду попадались стражники засечные, вооруженные пиками и луками. Виднелись и их жилища – землянки и шалаши, кругом множество бадеек, лоханей берестяных и деревянных с водой. Ехавший рядом вожатый Кривой завязал разговор:

– Смотрю, любопытствуешь, десятник? У нас все от мала до велика засечным делом занимаются. Землицу-матушку пахать некогда, бабы с горем пополам ковыряют... А вот тут, видишь, полянку заделывают, ряжи ставят. – Они проехали мимо большой группы крестьян и стражников. Одни из них плели плетни, другие таскали корзины с землей и высыпали между плетнями. Юрша спросил, зачем столько лоханей потребовалось.

– Это, вишь, самое главное оружие. Татарин без коня воевать не может, а засека для коня гибель верная. Мы им перегородили самый большой шлях, Ногайский. Как подойдет орда, начинает выжигать бреши, стрелы огненные мечет. Ну а мы тушим, от пеших татар отбиваемся. Канавы роем, воду набираем... А нынешнее лето гиблое, дождей давно нет, воду из Верды таскать приходится. Татары подойдут, тяжело придется.

– А почему татары в лоб идут, не обходят засеку?

– Где же ее обойдешь! Она тут у нас по Верде до болот Табола. А на восход и вовсе конца нету. По Рановке и Хупте до Ряжеска, далее по Дегтярским лесам за Сапожок по рекам Паре, Цне до самой мордвы. Ну, вот мы и к выезду приехали. Отсель на полдень побежим, по Раново-реке.

Дорога круто спускалась к реке Верде. Юрша увидел дополнительные укрепления – вдоль дороги стояли подрубленные вековые дубы и сосны, которые удерживались стоймя канатами – их обрубят перед конными татарами, деревья упадут и перегородят дорогу.

У переправы толпились люди, теснились подводы со скарбом, гнали скот. Кривой кивнул в их сторону:

– Это наше горе идет. Татары близко. На Ранове уже грабят. Вот за Вердой начинается Дикое Поле, а какое оно дикое? Наш русский мужик еще на сотни верст живет. Вот только крымцы часто набегают.

Как только перебрали Верду, Юрша приказал перестроиться по-боевому, приготовить луки. Теперь ехали первыми Юрша, вожак и Афанасий. За ними Аким со стрельцами, все одно-конь. Потом воины вели запасных коней, каждый по четыре. Замыкали отряд ополченцы. Ехали медленно, боялись нарваться на засаду. Но скоро убедились, что врага не видно, и поехали смелее.

В пути попала деревушка. Из крайней избы вышли два старика, до слез обрадовались, увидев царев отряд. Рассказывали, что селяне, не дожидаясь татар, подались кто в лес, кто в ополчение на засеку. А стариков оставили стеречь добро, страдать за мир.

От этой деревушки проехали еще верст с десять. Лес кончился, открылось широкое поле. Выехали без опаски и тут же спешно попятились назад: в полверсте вдоль опушки ехали татары. Их было человек двадцать, они были чем-то возбуждены, громко шумели, крутились на своих низеньких лошаденках. Юрша приказал спешиться, коней отвести в глубь леса, чтобы их ржание не привлекло внимание неприятеля. Но ополченцы потребовали от Кривого напасть на крымчаков и разгромить их. Кривой сердито оборвал:

– Слыхали, что десятник сказал? Слезать! Митька, уведи коней! Кто глазастый? Что там у татар? Десятник, давай пошлем двоих отчаянных. Они выскочат, а потом назад. Татары за ними, мы их и накроем. А?

Юрша согласился. Кривой назвал двух парней, которые сняли оружие и сели на коней как простые селяне. Но вылазка не состоялась: пока парни собирались, татары перестали вертеться, выстроились в два ряда. Вперед выехал толстый татарин, надо полагать, голова отряда. Один из всадников сбросил с седла девушку. Голова взял ее за косу и отвел шагов на десять по направлению к лесу, потом хлестнул несчастную. Девушка побежала к лесу. Вожак позволил ей удалиться сажень на пятьдесят и опустил плетку, гортанно вскрикнув. Шестеро татар из первого ряда устремились за ней, остальные мчались позади. Раздался визг, рев, свист, будто пошли на приступ. Таким образом, подбадривая соперников, все приближались к девушке. Она, казалось, летела, еле касаясь земли. Но один из преследователей уже был рядом, свесился с седла, чтобы схватить ее развевающуюся косу. Она поняла его намерение и ловко перебрала косу на грудь. Крымчак все же ухватил ее за рубаху. Но девушка ловко выскользнула из нее и припустила еще быстрее. До леса оставалось сажень двадцать. Но ее догнали двое – один схватил за волосы. В тот же момент без команды Юрши свистнули с десятков стрел. Три преследователя свалились с лошадей, остальные круто развернулись. Не видя врага и не зная его силу, татары решили не рисковать и, бросив убитых товарищей, умчались. С сожалением глядя им вслед, ополченцы ворчали:

– Вот, не отгони коней, ни один бы не ушел.

Девушка вбежала в лес и упала. Она часто и хрипло дышала, худое тело ее дергалось. Немного отдышавшись, подняла голову, увидела вокруг себя воев, быстро села, собралась в комочек и, одним движением распустив косу, прикрыла наготу густыми рыжими волосами. Продолжая часто дышать открытым ртом, обводила испуганным взглядом окружающих. Один из ополченцев, оставшийся на коне, выехал в поле, подобрал рубашку и бросил ее девушке. Быстрым, каким-то кошачьим движением она оделась, перебросив волосы на грудь, начала быстро заплетать косу. Худенькое личико с конопушками на носу оставалось недоверчивым, настороженным и испуганным.

Кривой подошел поближе, нагнулся к ней: девушка испуганно отодвинулась.

– Как тебя звать, девица?

– Фёшкой.

– Откуда ты?

– Из Питомшей. – Девушка вдруг преобразилась, встала на колени, молитвенно сложила руки и сквозь слезы заголосила:

– Дяденька! Люди добрые! Боярин! В Питомши пойдёте. Татары нас побили. Может, кто живой остался. Бабушка там, да тетка Василиса. Родненькие, помогите! – Она умолкла, слезы струйками бежали по лицу.

– А татары уехали?

– Уехали. Все уехали и меня увезли.

Кривой обратился к Юрше:

– Ну что ж, десятник, полем ехать нельзя, на крымцев нарвемся. Пошли в объезд лесом. До Питомшей версты две, по пути нам.

Фёшка обрадовалась и побежала, скоро ее потеряли из виду.

20

Деревня Питомши, хотя и находилась на Диком Поле, все ж числилась за Скопинским воеводством. На берегу речушки рассыпалось шесть курных изб, седьмая несколько в стороне – побольше других, с высоким позолоченным крестом на князьке – Божий дом.

Как пошли слухи про крымцев, в деревне остались только бабка Матрена с внучкой Фёшкой: им некуда было податься, да и ноги бабкины ходить далеко не могли. Еще осталась вдова Василиса – эта никого не боялась.

В тот день Фёшка пошла в лес, что прямо за дворами, лебеды да крапивы нарвать, похлебку сварить, и вдруг прибегает сама не своя. Говорит, ватажка лихих людей в деревню завернула. Фёшка испугалась, дело девичье. Питомши – деревня лесная, и, понятно, лихие людишки заглядывают в нее, особенно в крайнюю избушку, к Василисе-вдовушке. А тут, поговаривают, Кудеяр со своей братией близко бродит.

Бабка Матрена будто по делу вышла на зады, на Василисин двор заглянула. Пять лошадей с торбами стоят, а разбойничков не видно, может, в избе добро делают, а может, ночь прогуляли, теперь спят. Вернулась, пожурила внучку: чего испугалась, дурочка, такие девку зря не обидят. Пришлось печку не растоплять, варить нечего было, тюри поели малость.

Прошло сколько-то времени, на улице топот раздался. Выглянула бабка в дверь, думала – ватажка ускакала, ан нет, крымчаки! Подкосились у Матрены ноги, так в дверях и села. Татары проскакали мимо, прямо к Василисиной избе – лошадей увидели. Стычка была короткой. Ватажники выбегали из избы, ничего не поняв спросонья – только что уснули ребята. Татары их секли безжалостно. Один выскочил из окна, побежал к лесу, его поймали арканом и тут же повесили на ветле.

После легкой победы крымчаки рассыпались по дворам. В избу к Василисе вошли четверо и задержались там. Эта сперва кричала, потом затихла: одни татары выходили из избы, другие заходили.

К бабке Матрене ворвались трое, оттолкнули ее, кинулись к иконам, с одной содрали оловянный оклад. С печки из-под тряпья выволокли Фёшку. Один из них тут же повалил ее на скамейку, двое других бросились на него. Матрена по стенке добралась до скамьи и собой прикрыла внучку. Ее отшвырнули, она упала и затихла. Фёшку вырывали друг у друга. Появился четвертый, схватил ее, и все выкатились на улицу прямо под ноги лошади, на которой сидел толстый татарин с белой бородой. Он начал охаживать камчой спорщиков, а затем ловко нагнулся и поднял девушку на лошадь. Все загалдели, но толстый, не обращая на них внимания, поехал к дому Василисы. Тут, под ветлой, на которой висел ватажник, татары складывали награбленное, сюда он и сбросил девушку. Охранявший награбленное крымчак с отрубленным ухом привязал ее арканом к дереву. Она теперь не сопротивлялась, притихла, неотрывно смот-

рела на синие ноги повешенного. Тут же рядом сидел еще один татарин и старательно соскабливал с церковного креста позолоту.

Добыча оказалась небольшой, главным образом одежда ватажников да несколько шуб и помятых окладов икон. Все награбленное связали в узел, завьючили и собрались уезжать. Повешенного сняли – понадобился аркан. По указанию старшего безухий посадил девушку к себе на лошадь. Из избы Василисы последними выбежали два татарина, один из них высек огонь и сунул пучок задымившейся соломы в кровлю.

Вскочили на лошадей и ускакали.

Из двери избы, держась за притолоку, вышла истерзанная Василиса, простоволосая, в изодранной рубаше, палкой сбила еще не разгоревшийся огонь и, постанывая, нетвердо пошла, нагибаясь над трупами ватажников. Наконец нашла, кого искала. Это был кряжистый мужик с окровавленной головой и раной на плече. С огромным усилием повернула его лицом вверх, он открыл глаза. Подтащила его к стене избы, посадила, продолжая стонать, оторвала рукава от своей рубашки и принялась перевязывать раны ватажника.

Когда в деревне появился отряд Юрши, Василиса безуспешно пыталась поднять второго ватажника. Увидев всадников, Василиса запричитала:

– Ой, ребятушки! Помогите им, а то кровью изойдут. Двое живы пока! – Хотела что-то еще сказать, но повалилась наземь. Аким послал за водой, а сам занялся ранеными.

Прибежала громко воющая Фёшка, с трудом выговорив, что бабка ее преставилась.

Юрша, поняв, что здесь можно надолго задержаться, обратился к Кривому:

– Оставляй тут своих человек пять, да я оставлю подставу. Пусть управляются, покойников похоронят, раненых в лес уведут. А нам нужно спешить, путь дальний.

Кривой согласился, стал отбирать, кому остаться. Его подозвал один из раненых. Они долго тихо разговаривали. Готовый в дальнейший путь, подъехал Юрша и спросил:

– Кто это? Знакомец?

Кривой замялся. Ответил раненый:

– Гурьян я, из местных. Тебе не надо ехать на Елец-поле... Грамоту и языка ближе доставлю.

– Я не знаю тебя. Как верить?

Кривой решительно подтвердил:

– Гурьяну можно верить. Воевода, вишь, говорил: нужно местных поспросить.

Находившийся рядом ополченец тихо сказал Кривому:

– Ты, Микита, много на себя берешь. За Гурьяна воевода взыщет с тебя, ежели кто из наших шепнет ему.

Кривой обозлился:

– Замолчь! Я и сам скажу. Не привезем языка – с меня, с десятника и воеводы государь хлеще взыщет! А будет язык – за нас десятник заступится. Правда? Так что соглашайся, десятник.

Раненый добавил:

– Десятник... Не в таком положении я сейчас, чтобы врать. Да и ехать вам некуда – на Елецком поле теперь крымчаки. Вези меня на Болото. Ночью аль самое позднее завтра утром будет у тебя и грамота и язык. Вот тебе крест, постараемся.

Аким высказался:

– Решай, Юр Василич. Семь бед – один ответ.

Юрша взглянул на Афанасия, тот стоял в стороне и делал вид, что разговор его не касается, и он отрезал:

– Едем. Только как тебя везти? Из седла вывалишься.

– Не вывалюсь. Помогите подняться... Вот бы ковшик хмельного...

Василиса, привстав, отозвалась:

– Ой, родненький! Для тебя ничего не пожалею... Под печкой сулейка... И мне налейте... Ох!.. Ты хоть не забывай меня, родненький.

– Не забуду, Василиса, не забуду. За Мокеем, тобой и девкой подводу пришло. Будь спокойна.

Юрша смотрел на Гурьяна и удивлялся. Еще несколько минут назад он выглядел полумертвым, теперь поднялся, осушил одним духом ковш мутной браги и принялся командовать, где хоронить убиенных. Какой крест поставить, чтоб заметнее было. Один из ополченцев уступил ему своего коня, он без посторонней помощи забрался в седло, только скривился от боли.

21

Ехали дремучим лесом по утоптанной тропе, которая вилась по оврагам и холмам, обходила завалы и болота и опять уходила под вековые деревья. Тропа была узкой, двигались гуськом. Впереди Гурьян, позади него Кривой, за ними Юрша. На рысях и в галопе Гурьян держался молодцом, несмотря на потерю крови, и, чем дальше ехали, тем он увереннее сидел в седле.

В лесной чащобе начало быстро темнеть. Там, где тропа расширилась и стало возможным ехать вдвоем, к Юрше подъехал Аким и, наклонившись, проговорил:

– Послушал я ополченцев, они знают Гурьяна. Он не простой ватажник, а от атамана Кудеяра.

– Откуда тут Кудеяр?

– Говорят, он на Болоте собирает своих. С царевым войском не дружит. Как бы худа не было.

– Ты же в деревне говорил другое.

– Верно. Без их помощи мы ничего не сделаем, кругом татары. А все ж побережься не мешает.

– Ладно. Тихонько предупреди стрельцов: в случае чего назад не поворачивать, засада может быть. Пробиваться вперед, запасных коней бросить да так, чтобы они нападающих задержали. Собираться на первой же поляне, там станем отбиваться.

Не успел Аким отъехать, подскакал Афанасий и зашипел:

– Ты знаешь, куда нас разбойник ведет?

– Знаю, боярич. На Болото.

– Во, во! В шайку свою! Не ведаю, как тебе, десятник, а мне свою голову жаль.

– Что предлагаешь?

– Повернуть назад и ехать, куда приказал государь, на Елетчину. А вора прихватить с собой.

– Значит, считаешь, что лучше от татар потерять голову, чем от разбойников? А ежели ополченцы не схотят ссориться с Гурьяном? А?.. Нет, боярич, под татарские сабли не пойду и обижать Гурьяна нам не с руки.

– Ну, берегись, десятник!

– Я берегусь, боярич. А ты тоже смотри в оба. Слышишь, у какого-то стрельца казанок громыкает. Непорядок. А я тебя просил, боярич, следить за стрельцами.

Афанасий сердито развернул коня. Из темноты послышался приглушенный окрик и удар плетью. Казанок перестал звенеть.

Ехали долго. Глухой топот, шуршание веток. Иногда из-под ног лошадей шарахался испуганный зверек. Слева, справа, то вблизи, то вдали страшно плакали филины. На одной из полян Юрша остановился, оглядел небо. Звездный ковш зацепился ручкой за вершины деревьев, время к полуночи, ехали точно на полдень. Юрша нагнал Гурьяна. Рядом с ним находился Кри-

вой, они тихо переговаривались. Когда поравнялся с ними, замолкли. Не дожидаясь вопроса, Гурьян сказал:

– Скоро приедем, десятник, с версту осталось. А ты храбрый воин, Юрий Васильевич. Так тебя звать?

– Так. Только мои считают меня неразумным и доверчивым не в меру.

– И тебе сказали, что от Кудеяра я?

– Сказали.

– И ты веришь, что помогу тебе?

– Я сам добро помню и считаю, что люди тоже.

– Ха! Дай Бог, чтобы ты долгие годы в хороших людей верил, плохих не встречал.

– Благодарствую. И на твою помощь надежду имею.

– Молодец! Так и быть, помогу!

Дорога пошла на подъем, усталые кони тянулись шагом. Деревья начали редеть и отступили от дороги. Всадники выехали из леса, дальше дорога обрывалась в темноте.

Из-под обрыва неся разноголосый радостный хор несчетного множества лягушек, с разных сторон грустным коротким мычанием перекликались выпы. Если присмотреться, можно было увидеть над болотом медленно перекатывающиеся валы тумана. Еще дальше, на самом горизонте, просматривалась цепочка холмов, подсвеченная далеким заревом. Гурьян пояснил:

– Вот и наше Большое болото. До Дона тут верст десять. Вон те холмы уже на том берегу.

Кто-то спросил:

– А зарево? Большой пожар на полдень где-то?

– Не пожар то. Крымцы на ночлеге костры жгут, конину варят.

Тихие слова Гурьяна резанули всех как удар камчи. Татарское иго свергли давно, но память о нем в народе жива, и редкий год обходится без набегов с юга, с Дикого Поля крымцев, ногайцев, с востока – казанцев. Костры на горизонте несли смерть, горе, несчастье, рабство.

Гурьян рассказывал:

– Похоже, это главные силы, числом тьма, а может, поболее. По левобережью Дона и по Воронеж-реке идут, за три-четыре дня верст сто... Ряжскую или Сапожковскую засеку брать будут. Задержит она их дня на два, больше наши не сдюжат. Так что в конце седмицы тут резня будет не приведи Господь. А опосля, через неделю, на Оку выйдут, к Переяславлю Рязанскому. А могут от этих мест на Тулу повернуть, по Дону... Вот так, десятник. Теперь объявляй привал, варить еду прикажи в лесу, тут огнем светить не надо, далеко видать. А я поеду. Отпусти Микиту меня проводить. Узнаю, скажу ему, как в твоём деле помочь. Будь здоров.

Гурьян и Кривой поехали вдоль обрыва, топот их коней сразу размылся в лягушечьем хоре. Юрша подозвал к себе стрелецких и ополченских десятников, разрешил ночлег при заседланных конях, из каждого пятка двоим на страже, Акиму выслать пластунов.

Потом отпустил людей, спешился, торбу от седла отвязал; Славич, почуяв ячмень, благодарно фыркнул. Юрша прилег под могучим дубом и задумался... «Впереди – крымчаки, рядом – разбойники... До засеки верст сорок и татарские разъезды. Гурьян... На разбойника не похож. Кто же он?! А вдруг засада?... Однако ж Кривой, скопинский воин, без опаски пошел... Да и что делать без помощи Гурьяна?... Придется идти на закат впереди орды...»

Подошел Аким, присел на корточки:

– Не спишь, Юр Василич?

– Не до сна, отец. Как мыслишь, поможет Гурьян?

– Поможет! Верю!

Юрша усомнился:

– На кой ляд он станет помогать слугам царя? Да и над ним атаманы есть. Так что могут и напасть...

Кривой вернулся далеко за полночь в сопровождении двух всадников: одного огромного, плечи – косая сажень, второго – маленького, юркого, на татарской низкорослой лошадке. Караванный сразу же разбудил Юршу – тот дремал сторожко. Лицо всадника рассмотреть ему не удалось – помешала ночная тьма, к тому ж оно все заросло черными волосами. Зато маленький старался вовсю, чтобы его рассмотрели как следует. Был он в чекмене, подпоясанном веревками. Мурмолка еле держалась на затылке, борода и усы коротко острижены. По виду ему уж за сорок, а по повадке двадцати не дашь. Он без умолку тараторил:

– Здорово будешь, войска царского воевода! Меня звать-величать Нежданом, довожусь я сватом Гурьяну, мужику-буяну. А того прозывают Темным, ума – палата, да живет плохо-вато. По твоему делу наши людишки на Задонье пошли, пока ничего не нашли. А тебе сказано пятерых взять и с нами поехать, да двух коней в запасе иметь. Остальные пусть тут спят-посыпают, жирок набирают...

Юрше не понравился Неждан с его скороговоркой, он насмешливо спросил:

– Кто же нам приказывать изволит, Неждан, Гурьяна сват?

– Тык вить, не гневуйся, батюшка-воевода. Приказывать всегда охотников много. Хоть, сам знаешь, в другой раз приказать труднее, чем самому исполнить... Тык мне сказали, что ты мужик с умом, спорить не время, отбирай пяток и поехали. Вишь, зорька с зорькой встречается, с ночью прощается...

Юрша, не дослушав болтовню Неждана, спросил:

– Ты едешь, Микита? Возьми своего одного. А из моих поедут Аким и ты, десятник стрельцов московских Петро.

Голос подал боярич Афанасий:

– И я с тобой еду.

– Шестым будешь. Старшим тут остается десятник стрельцов скопинских. А ты мне, Неждан, скажи: до вечера управимся?

– Да ты что! К завтраку обернем...

– Ладно. Так вот, десятник скопинский, – приказал Юрша, – если до вечера не вернемся, отходи, воеводе все доложишь. Сидеть тихо и скрытно...

Отъезжающие съехались вместе, Неждан покрутился перед ними:

– Ой, не понравятся нашим одежки ваши, вои царские! Воевода-десятник, прикажи своим поверх зипунишки натянуть.

Юрша не успел ответить, Темный рыкнул на всю поляну:

– Нишкни, Неждан. Пусть и те двое стрельцами обрядятся.

...Отряд повел Темный сперва по лесу, потом под обрыв. По болоту крутили, кони по брюхо в черной воде. По сухим островам неслись вскачь. Всюду прыгали лягушки, пугая коней.

Небо посерело, звезды заблестели ярче, потом начало наливаться синевой, звезды потускнели. Потянули туманы.

Неждан ухитрился на своей лошаденке не раз объехать отряд. Когда стало светлее, он задержался возле Афанасия.

– Не признал я в потемках, что батюшка-боярин с нами-дураками. Смотри: сафьяновые сапожки забрызгал, кафтанчик запыхлил. Видать, из опальных ты?

Афанасий, разозлившись, замахнулся плетью. Неждан увернулся и, надо полагать, ответил бы грубостью, но рыкнул Темный, и Неждан затих.

Болото кончилось, пошел кустарник, бесконечный, хлестающий всадников росистыми ветками. Когда все изрядно намокли, кусты разбежались и открылся берег парящей реки – Дон-батюшка. Сразу пошли вброд. На том берегу оказались окруженными людьми, одетыми

главным образом в лохмотья, вооруженными кто чем – от дедовской рогатины до сабли, изукрашенной разноцветными камнями. Их было много и настроены воинственно. Поэтому Юрша и его товарищи невольно сомкнулись и выхватили сабли из ножен. Но стычку предотвратил вышедший вперед мужик, менее других лохматый и почище одетый. Подняв руку, обратился он к Афанасию:

– Здоров будь, боярин. Ты голова? – Афанасий кивнул на Юршу. Мужик обернулся к нему: – И ты здоров будь. Значит, так: ты и еще двое твоих идут со мной. Остальные с Темным на выгон. Коней оставить тут, в гору приведут по сигналу. Пошли.

Юрша вызвал:

– Со мной Аким и...

Афанасий не дал договорить:

– И я.

Юрша промолчал. Спешились, полезли на крутизну. Песок осыпался под ногами, хватались за ветви кустов. Вожак и два ватажника оказались людьми проворными, но все же первым выбрался наверх Неждан. Пошли заросшим овражком, который окончился небольшим прудом; по берегу пруда стояли избушки, то и дело исчезающие в клубящемся тумане.

Остановились возле плотины, под ветлами. С дерева выюном соскользнул парнишка, пошептался о чем-то с вожаком и скрылся. Тот тихим голосом уверенно распорядился:

– Сейчас войдем в избу. Три крымчакских бирюча спят на полатах, русские они. Мы с ребятами будем брать их, вы не зевайте, у них ножи. На печи хозяин с хозяйкой, они будут молчать. За мной.

Приблизились к богатой избе с крыльцом. Вожак подошел к двери и постучал. На хриплый вопрос ответил по-татарски, упомянув имя Аллаха. Загремела задвижка, дверь открылась. Неждан с двумя другими ватажниками ворвался в сенцы. Кто-то высек огонь и засветил приготовленный берестяной факел. Открывшего дверь мужика держали за руки, он испуганно вращал глазами, в рот ему успели сунуть тряпичный кляп. Неждан протянул веревку, которую выдернул из-за пояса. Бирюча связали и бросили на соломенную постель.

Вожак помахал рукой, призывая к вниманию, и рванул дверь на себя. Все остальное произошло за один выдох. Ватажники сдернули с полатей двоих, Юрша помогал им. Третий соскочил сам, в руках у него сверкнул нож. Воспользовавшись замешательством, он бросился к двери, но дорогу ему преградил Афанасий. Подоспевший Аким сильным ударом по голове свалил бирюча на пол. Неждан, воткнув факел в поставец, крутил руки полоняникам. Делал он это с ловкостью фокусника. Афанасия он похвалил:

– Исполать тебе, боярич! Смел и ловок. Не будь тебя, этот бы ушел. Так что прости, ежели что лишнее сболтнул.

Связанных бирючей посадили на лавку. Тот, которого задержал Афанасий, сидел откинувшись к стене, закрыв глаза. Он был совсем молод, может, немного старше двадцати лет, усы у него только обозначились светлым пушком. Другой был старик, худой до истощения. Его лысый череп почернел от загара, клочковатая седая борода торчала в разные стороны. Он сидел подавшись вперед и непрерывно жевал беззубым, ввалившимся ртом.

Третий резко отличался от своих соратников одеждой: на нем была полотняная рубаха, тогда как у других посконные. Лет ему казалось под пятьдесят. Бороду имел темную, ровно подстриженную клинушкой, усы нависали по щекам, голова бритая. Своим обликом походил на крымца, только голубые глаза выдавали славянское происхождение. Он сразу оценил обстановку и не сопротивлялся. Когда ему хотели скрутить руки, попросил:

– Ребята, ваша взяла! Дозвольте штаны надеть. – Не дожидаясь согласия, спокойно принялся надевать синие шерстяные шаровары: он спал в исподниках, а его товарищи в своих штанах из грубого крашеного полотна. После этого протянул руки Неждану, держащему наготове веревку.

Сидел он с достоинством и даже насмешливо сказал жожаку:

– Не полагал я, что Васька Блин в царевы слуги подался!

Василий резко парировал:

– Уж лучше служить христианскому царю, чем хану-нехристию, как ты, Демьян. У нас с тобой разговор впереди. Где грамота?

– Не ведаю, о чем разговор.

– Демьяшка, не дразни меня! Говори, я ведь скор на руку.

Демьян хотел что-то сказать, но его опередил худой, перестав жевать свою жвачку:

– За божницей она, добр человек.

Демьян зыркнул сердитым глазом на старика и усмехнулся:

– Видишь, Васька, и перед тобой выслужиться хотят.

Василий отодвинул икону, вынул свиток и подал его Юрше. Тот приблизился к факелу, прочел: «Мы, волею Господа нашего, Бога Единого, Великий Князь Рязанский Михаил Иоаннович...» Развернул дальше и в конце: «...я, Великий Князь Рязанский самолично руку приложил». Далее следовала золотом написанная вязь «Михаил».

Василий спросил:

– То? – Юрша, кивнув головой, поспешно свернул свиток и спрятал за пазуху.

– Ну и ладно. Вот этот Демьян мне нужен будет, а из этих любого бери.

Худой старик рванулся и упал на колени:

– Меня, меня возьми, боярин! Верным слугой буду.

Василий легко поднял старика и посадил на место. Демьян произнес со злой усмешкой:

– Дурак ты, батя. Это же верная смерть на дыбе. Ведь к царю повезут! А там слуг и без тебя хватает.

Старик стоял на своем:

– Хоть на смерть, пускай! Все расскажу про ваши татарские плутни, хриstopродавцы!

Демьян привстал:

– Эх, жаль, руки связаны! Раскроил бы тебе башку, батя!

Блин поддержал Демьяна:

– Да, старик, много лишнего набрешешь! Тоже ни к чему. Бери, десятник, того молчуна. Тебе ведь все равно.

В это время вошли Темный и Кривой. Темный пророкотал:

– Трoих связали, четверо удрали. Остальных хоронить можно.

– Как же ты их упустил? – спросил Василий. Темный развел руками. – Ладно. Так как, десятник, прощаемся?

Аким успел шепнуть:

– Бери, Юр Василич, кого дают, и давай Бог ноги.

Юрша отстранил его и сказал Блину:

– Беру oboих.

– Ты мне нравишься, десятник! Далеко пойдешь, ежели... Грамоту сразу за пазуху, прочесть не дал. Отпускаю тебе одного, ты двоих требуешь. Да знаешь ли... – И вдруг изменил тон: – Ты царя увидишь?

– Увижу. Эту грамоту приказано передать ему в руки.

– Во ты какой! А правда, что Спирька Фокин у царя в друзьях ходит?

– Не в друзьях. Приближенный слуга он, постельный служба.

– Во дела! Бери oboих и скажи государю: мол, Васька, сын дьяка Варлаама Блина, от царского гнева бежавший, за ум взялся. Вот – тебе помог... Ватагу в полтыщу собираю. Буду бить татар, а жив останусь, с повинной приду. Покуролесил и хватит. Скажешь?

– Скажу, Василий. И скажу, что без тебя не иметь бы мне грамоты.

– Быть по сему. Темный, проводишь царевых воев до дуба на горе. Да пусть они по деревне пройдут, пусть все видят – стрелы на татар напали, да вон Демьяна выручили, а мы тут вроде ни при чем. Прощай, десятник. Может, еще свидимся. – Уходя, Юрша слышал слова Василия: – Неждан, развяжи Демьяна...

И опять впереди Темный, болотное бездорожье в липком тумане да брызги гнилой воды. Пленных усадили в седла, ноги привязали к стремянам, их лошадей вели в поводу.

Чем дальше ехали, тем гуще становился туман. Лягушек как будто поменьше стало, зато чибисы крыльями чуть шапки не сшибают. Лошади шли шагом. Скоро Юрша понял, что Темный ведет их другой дорогой, не той, что ехали ночью, чем дальше, тем больше топи. Дуба приметного не видно, туман не рассеивался. Подумалось, что вожатый заблудился. Юрша нагнал Темного и высказал свое подозрение. Тот остановил коня:

– Дурак ты, хоть и десятник! Если бы не Гурьян, давно бы вы все бульки пускали. А дуб – вон он. – Темный кивнул вверх.

Юрша поднял голову. Совсем близко над туманом расплывчато рисовалось очертание знакомого дуба, подсвеченного восходящим солнцем. Почти тут же болото кончилось, начался песчаный подъем на обрыв. Темный отвернул в сторону и скрылся в тумане. Ни здравствуй, ни прощай.

23

В Питомши вернулись всем отрядом близ полудня. Пока седлали свежих коней подставы, Юрша отдавал распоряжения. С собой он брал Акима, Кривого Микиту и Петра – десятника московских стрельцов и обоих пленных. Над остальным отрядом головой оставил боярича Афанасия. Теперь, когда Болото было далеко, а Коломна не за горами, Афанасий осмелел и заносчиво сказал:

– Неправильно ты поступил, десятник. Нужно было Демьяна потребовать и доставить царю.

Юрша ответил насмешливо:

– Эх, боярич, боярич! Где ж ты был раньше? Там бы, на Дону, сказал такое. А то промолчал, а сам я не догадался! Ладно. Все ж оберегайся, кругом татары. Государю скажу: завтра вечером будешь в Коломне. Будь здоров!

Гнали лошадей не жалея, в Скопине их ждала смена. Юрша ехал первым, Аким и Петр вели лошадей с пленными. Кривой замыкал отряд и вел запасную лошадь, захватили ее на всякий случай. Хотя и спешили, но на ровном месте Юрша поотстал и пробовал заговорить с татарскими бирючами. Молодой отмалчивался, даже имени своего не называл. За него охотно ответил старик:

– Его Лавром звать. В татарский полон с матерью попал, когда сосунком был.

– А чего он волчонком злобится?

– Эх, десятник! Каждого человека сперва понять надобно, а уж потом судить. Он мать свою дюже любит. Князь Михаил его выкупил и обещал мать выкупить, если преданным слугой будет. А вышло вишь как. Кто теперь его мать вспомнит? Вот так-то.

– А тебя, дед, как звать?

– Меня-то? Крестили Вавилой, а прозвали Невезуном, всю жизнь мне не везло. С малолетства в полоне, всего натерпелся. Продавали меня, меняли... Князь Михаил вот выкупил. Знаешь, сколько за меня дал? Подковы ишачьи. То-то оно и есть! И тут не повезло – ни к чему я не пригодился, хлеб зря ел. А все ж я читать умею, вот бирючом и послали... И опять не повезло, в новый полон угодил. Единственная радость, что к своим, к русским. – Невезун тяжело вздохнул и замолк.

Выехали на поляну, где деревушка стояла и два старика ее караулили. Остовы печей, обгорелые, еще дымящиеся столбы и деревья с поблекшими листьями. Сожженную деревню прошли на полном скаку.

Дорога свернула влево... И они внезапно оказались среди татарского лагеря. Лошади крымчаков связаны десятками; три пустых казана на догорающих кострах и отдыхающие татары: кто сидит, скрестив ноги, кто вытянулся на траве.

Через лагерь до леса саженой пятьдесят, обратно через пожарище с версту. Не раздумывая ни секунды, Юрша, стегнув коня, крикнул: «Вперед!» – и выхватил саблю. Крымчаки вскакивали с земли, но, не успев отбежать, падали, настигнутые саблями. Юрша рубил и направо и налево, придержав коня только на опушке леса, чтобы пропустить вперед товарищей.

Кривой ехал последним, он, не отпуская запасную лошадь, нахлестывал и свою впереди идущую с пленником по имени Лавр. Перед самым лесом Лавр неожиданно рванул узду, оборвал ее, резко отвернул вправо и понесся к татарам, начинающим приходить в себя.

Аким вел лошадь со стариком. В первый же момент опасности он пропустил старика вперед, бросил ему узду и стегнул его лошадь. Сам же напал на татар. Перед лесом он остановился около Юрши, загородив его своим телом. Тут Юрша увидел, что пленник Лавр удирает, а Петр начинает сдерживать коня, отворачивать в сторону, чтобы преследовать беглеца. Юрша крикнул:

– Назад! В лес!

Последнее, что он увидел: крымчаки поспешно садились на крутящихся коней. Лавр, размахивая поднятыми руками, мчался и вопил по-татарски: «Свой! Свой я!» Но разгоряченные татары готовы были мстить кому угодно, и первым попался им под руку явно русский парень, хотя и кричащий, что он свой. Над Лавром засверкали сабли, и он поник на шею коня, но, болтаясь из стороны в сторону, продолжал держаться в седле – упасть не мог, его ноги были связаны под брюхом лошади.

А затем вокруг Юрши засвистали стрелы, одна из них царапнула ему шею. Последним в лес въехал Петр, в него уже впились две стрелы: в спину и в предплечье.

Заниматься раненым не было времени, Юрша приказал Кривому:

– Уходите! Мы с Акимом прикроем!

Они встали за деревьями по бокам дороги. Ворвавшийся в лес первый татарин видел только уходящих и стремился за ними. Юрша рассек всадника одним страшным ударом сабли. Аким снизу порезал шею лошади. Из-за узости дороги татары могли ехать только гуськом. И за минуту на ней образовался завал из трупов людей и бьющихся лошадей. Крымчаки пытались прорваться через кусты, но лошади, привыкшие к чистому полю, не слушались узды, дыбились.

...Юрша и Аким нагнали своих. Кривого не было видно, лошади привязаны к сосне. Невезун перевязывал белой тряпкой плечо Петру, рядом валялся крымчак с рассеченной головой. Петр рассказал, что, услышав топот коней, к ним навстречу вышли два татарина, наверное, разведчики из отряда, отдохавшего на поляне. Одного они убили, другой бросился в лес, Кривой – за ним. До сих пор его нет.

– А у меня, – продолжал Петр, – на спине, дед говорит, рана левая, сама заживет. С рукой плохо, наконечник стрелы в кости засел. Невезун вынуть не мог, а кровь остановил. Дельный старик.

Невезун, обрадованный похвалой, пояснил:

– Лопушок привязываю, огневицу отгоняю. А наконечник глубоко вошел, борода за край кости уцепилась.

Вернулся Кривой, хмуро сказал, что татарин как сквозь землю провалился.

– Думаю, десятник, надо мне вернуться к своим в Питомши. Поберегу их. Лесом проберусь. – Юрша согласился. Кривой продолжал: – Деду я, видишь, ноги развязал. Ей-богу, дове-

рять ему можно. Просит саблю ему дать, одним бойцом больше будет. Тебе решать, а я поехал. Будь здоров, Петро.

Исполнить совет Кривого Юрша приказал Аким. Тот, передавая саблю Невезуну, сказал:

– Держи, старче. Десятник Юрша будет просить государя дать тебе вольную по закону.

Невезун прослезился и принялся благодарить, путая русские слова с татарскими. Потом, когда уже ехали, он сказал Аким:

– Ты вот меня стариком величаешь, а мне лет-то, поди, немного больше твоего: только четыре десятка минуло. Вот она, чужбина-то что делает!

Далее скакали без помех. В Скопине сам воевода проводил Юршу, слово царю передать велел. Следующая смена в Пронске, потом Михайлов, тут, пока седлали коней, перекусили.

Летний день велик, засветло миновали Рязанскую засеку. И вот здесь произошла задержка. Невезун обычно охотно разговаривал, а под вечер затих, хотя еще бодро держался в седле. Хуже было с Петром, он упросил Юршу взять его с собой, чтобы лечиться в Коломне, все поближе к дому. Но рука у него сильно болела, он стискивал зубы, кусал губы, лишь бы не заскулить по-собачьи. Юрша видел его мучения, поэтому, хотя и спешил, все же раненому уделял внимание. Но тут вдруг Невезун покачнулся, и, не будь рядом Акима, поддерживавшего его, наверное, упал бы с коня.

– Что с тобой? Где твоя молодость?

Невезун отдышался:

– Плохо, брат Аким. Этак я могу и не доехать, царя не увижу! Чего же это со мной?

Пришлось останавливаться и делать «гнездо» – два овальных обруча из ветлы закрепляются крест-накрест к лукам седла так, чтобы подпереть всадника под руки. Так возили по бездорожью стариков, тяжелораненых и даже мертвых.

Когда «гнездо» укрепили, Невезун горестно пошутил:

– Во как! Не свалюсь, ежели и умру.

– Нет, дорогой! Тебе умирать нельзя. Будет худо, скажи, мы водички прихватили.

Вода нужна была не только Невезуну. Петр постоянно прикладывался к сулейке. Раненый и старик заметно замедляли движение небольшого отряда. Последнюю подставу в Зарайске меняли уже затемно. В Коломне были к полуночи, здесь Юрша узнал, что государь в Голутвинском монастыре. Когда туда доехали, все уже спали. В монастырь стража не хотела пускать. Юрша потребовал именем государя. Это был страшный способ – большой опасности подвергал себя и тот, кто требовал, и тот, кто отказался бы выполнить. Государь отдыхал в архиерейских палатах, стража проводила гонцов туда. Голова охраны узнал Юршу, но будить царя отказался:

– Не пушу, десятник! Жди утра. Государь с воеводами весь день по полкам ездил, заморился.

– Дело государево. Ежели что, вина моя. Да и твоя. – Он отстранил сотника и подошел к двери опочивальни царя. Стражник у двери спал, опершись на бердыш. Юрша поскреб дверь, тут же выскочил Спиридон. Юрша твердо потребовал пропустить его. Тот не успел возразить, как из полуоткрытой двери донесся голос Ивана:

– Кто ломится?

– Юрша тут.

– Приехал?! Пусти.

Юрша оказался в длинной комнате, задняя стена которой закрыта темным пологом. Сняв мурملку, поклонился пологу. Оттуда голос:

– Привез?

– Да, государь. – Юрша извлек из-за пазухи изрядно помятый свиток. – Вот. Полоняник – бирюч самозванца – тут, за дверью.

– Огня! – приказал Иван, выходя из-за полога, в кафтане, накинутом поверх рубахи.

Спиридон поднес светильник с зажженными свечами. Юрша протянул свиток. Иван заметил, как дрожала его рука, усмехнулся:

- Чего дрожишь? Боишься?
- Не из боязни, государь. Два дня и две ночи не спали мы, в седле были.
- Да и грязный ты какой, не отряхнулся.
- Спешил, государь. Прости. Важные новости.
- Ладно.

Иван начал читать. Спиридон в подобострастии подался вперед. Иван отвернул свиток, подозрительно взглянул на него:

– Поставь свечеч, а сам... – Иван жестом приказал отойти. Читал долго. Юрша разомлел от тепла и запаха ладана, стоя задремал, покачнулся. Спиридон оказался около и толкнул его. Иван взглянул на них:

- Ты и впрямь меня не боишься, десятник, засыпаешь передо мной.
- Виноват, государь! Помилуй.
- Виноватых быют... Ладно. Ты прочел эту грамоту?
- Нет, государь, как мог посметь!
- А откуда же узнал, что эту грамоту я жду? А?
- Бирючи сказали. И я видел начало и подпись.
- Значит, посмотрел... Спирька, голова там? Крикни его. А ты, десятник, иди спать, потолкуем завтра.

- Государь, дозволю слово скопинского воеводы сказать.
- Говори.

– Скопинский воевода молвил: «Великий государь! Мне доподлинно известно: сын крымского хана Магмет-Гирей шел на Переяславль Рязанский. За два перехода до нашей засеки он повернул на Тулу-град. Будет там через два-три дня. Сам Девлет-Гирей Муравским шляхом идет. Великий государь, я не знал, что ты в Коломне, гонца послал в Москву». Так он сказал.

- На Тулу, говоришь? А какова орда числом, сказывал?

– Нет, государь. Он послал разведать. Мы видели огни татарские Задонского лагеря. Тамошние люди сказывали – тьма будет. Полоняне татарские точно не знают, но меньше тьмы, говорят.

– Так... Пожалуй, правда. Магмет-Гирею хан большое войско не даст... А сам сколько ведет?... Ладно... Голова, гонцов накормить, напоить и спать уложить. После заутрени придешь ко мне. Бирюча татарского в кандалы.

Юрша вновь обратился к Ивану:

- Дозволь слово молвить.
- Молви.
- Один из гонцов ранен. Лекарь нужен.
- Я смотрю и у тебя кровь. Отбивались?
- Так, государь.
- Голова, лекаря к ним.
- Еще, государь. Оставь полоняника без кандалов. Он доброй волей к нам пришел, помогал отбиваться от татар. Головой ручаюсь за него.
- Ой, смел ты, Юрша! От ума иль от дурости?
- Помилуй, государь, коли что не так сказал! Я от чистого сердца.

Хмыкнул царь и приказал явиться к нему после заутрени вместе с полоняником.

На следующее утро беседа Ивана с Юршей и Невезуном затянулась. Аким не находил себе места. Он прохаживался около красного крыльца архиерейских покоев, вертелся около черного хода. Всякого люда, особенно монашеского звания, выходило множество, а Юрши нет как нет. А вдруг прямо из чертога в пытошную? Его грызло беспокойство, он сам советовал Юрше говорить все как было, без утайки. Аким не без основания полагал, что Афанасий приставлен дозорным к Юрше и все равно доложит государю обо всем, что было и чего не было.

Аким окончательно уверовался, что дело скверно, когда увидел, как с заднего крыльца трое дворцовых стрельцов поволокли Невезуна. У несчастного подкашивались ноги. Аким проследил, куда его отволокли, и тут же вернулся. У него даже возникла крамольная мысль – кликнуть своих, чтобы в случае чего отбить Юршу силой. Но тут же спохватился; отбить, может, и удастся, но далеко от Коломны не уйдешь, кругом войска царские.

Тут еще знакомый стрелец прилип со своими разговорами. Он рассказывал, что в тот день, как они уехали в Дикое Поле, пропал боярич Даниил. Поехал из Тонинского провожать царя, а в Москву так и не приехал. Их полсотня по приказу государя всю округу обшарила – никакого следа не нашла. Говорят, государь боярина Прокофия здорово потряс, он должен знать, куда делся Даниил.

Освободившись от знакомого, Аким решил пойти в келью, отведенную их десятку, и посоветоваться с ребятами, что делать. Но тут появился гонец и заторопил его:

– Куда ты подевался? Десятник обыскался тебя!

Аким полетел на крыльях. Сказал Юрше, какого страха натерпелся, но умолчал о Невезуне – видел, что Юрша в радостном настроении, не хотел его расстраивать.

– По государеву приказу, – рассказывал Юрша, – дьяк Сулим отвел меня в свою подклеть. Дал новый азам, терлик суконный, порты, сапоги во какие. Государь сотником пожаловал!..

Аким удивился:

– И сотню дал?

– Пока нет. Как даст, тебя полусотником сделаю... Ведь вот как все получилось. Беседуем, обо всем расспрашивает, интересуется. Приказал дьяку переписать всех, кто помогал нам. Награды, говорит, потому установлю. Разбойниками интересовался. Сказал я ему, о чем Васька Блин просил. Задумался и молвил: «Пусть татар воют, а там посмотрим». Невезуна о многом допросил, потом сказал, что еще поговорит после, и отпустил. Спирька велел отвести его в келью для убогих, а мне говорит: «Многого ты достоин, Юрий... Как по отчеству-то?» Назвался я. «Так вот, – говорит, – Юрий Василия сын, ко обедни приходи, рядом со мной стоять будешь. Только одежонку-то другую, почище надень». Я ему, мол, что другой-то нету. Он тут же приказал дьяку выдать мне одежонку вот эту, терлик сотника. Дьяк, понятно, намекнул, мол, не сотника, а десятника. Как цыкнет на него государь. «Царь, – говорит, – не ошибается в таких делах». И отпустил нас. Вот как бывает! Сейчас давай покатаем вальком одежду, выгладим маленько, да побегу к тем убогим, разыщу Невезуна. До обедни успею.

Аким взмолился:

– Юр Васильевич, прошу тебя, не ходи... Далеко это, за монастырем.

– Да? Тогда после обедни.

...После обедни воеводы большие и малые, коломенский синклит, иерархи монастырские, дьяки думные направились в трапезную. Юрше приказано было идти тоже и остаться у входа.

Государь и князь Владимир Старицкий, его брат двоюродный, сидели за отдельным столом, рядом второй стол, за ним настоятель монастыря, архиерей Коломенский Феодосий и другие иерархи церковные и монастырские. По другую сторону третий стол, за ним воеводы.

Против этих – два длинных стола, тут садились все по старшинству, места указывал дьяк Разрядного приказа. Обычно вопрос, кому за кем сидеть, вызывал препирательства и большие недовольства. Во время походов Иван приказал места блюсти согласно воинскому старшинству, и дьяки следили, чтобы этот приказ выполнялся без укоснений. Поэтому под грозным взглядом царя все послушно садились на указанные места.

Когда все разместились, Иван поднял руку, говор утих, и он начал свое слово. Боярство и люд московский впервые услышали царя с Лобного места в июле 1549 года. Это было ново: обычно слово царское и великокняжеское зачитывал думный дьяк. А тогда молодой государь – было ему в то время девятнадцать лет – сам свое слово молвить изволил! Потом так и повелось: царь перед боярами и народом голос являл.

– Отцы духовные! Воеводы славные, большие и малые! Бояре! Люди служилые! Слуги мои верные! Много терпели мы обид, разорения и предательства от царя казанского, от татар неверных. Море слез выплакали наши русские матери и жены. Тысячи тысяч люда русского, братьев наших погибли от мечей татарских, захвачены в полон и проданы в рабство на веки вечные. Переполнилась чаша терпения нашего! Русский народ встал на борьбу с царем казанским. Господь Бог наш благословил нас на защиту православия. И вот теперь объединяются силы черные. В помощь Казани идут орды ногайские, на стольный град наш Москву идут орды крымские. Но не допустил Господь торжества силы адовой, помог нам отгадать замыслы коварные. Сей день стало нам доподлинно известно: крымский хан Девлет-Гирей с царевичем Магмет-Гиреем и янычарами турецкими ведут свои войска на Тулу-град. Преградить путь им послали мы воевод наших князей Щенятева да Пронского. А из-под Каширы ведут свои рати князья Курбский, Хилков и Воротынский. Сами мы, если понуждятся, с царским полком станем под Переяславлем Рязанским. Все мы как один выйдем навстречу орде неверной!.. Это наше слово о ратном становлении. А упредить врага мы можем потому, что слуги наши верные, не жалея живота своего, принесли нам вести точные, нужные, государству полезные. Сказано: всякое деяние да воздастся. Отблагодарим мы слугу нашего. Сотник Монастырский, подь сюда. Дьяк, чтн.

Юрша подошел к столу и поклонился Ивану большим обычным – до полу. Лысый дьяк подался вперед и начал читать нараспев. Юрша слушал, и удивлению его не было предела. Государь назначал его сотником своего охранного полка, жаловал ему деревеньку Хлыново под Броничами и дворянское звание. Дьяк подошел, подал дарственные грамоты и шепнул:

– На колени, благодари.

Юрша опустился на пол, чтобы справиться с волнением, повременил и хрипло сказал:

– Государь, выше всяких мер оценил ты мои заслуги. Клянусь перед Богом: всю мою жизнь буду верным твоим рабом и готов положить за тебя живот мой!

Ивану понравились слова Юрши, он милостиво улыбнулся и вымолвил:

– Встань, Юрий сын Василия. После трапезы нашей можешь отбыть в деревеньку свою на седмицу. Потом нагонишь нас. Дьяк, посади сотника.

Юрша задержался и вновь поклонился царю:

– Государь, дозволю молвить.

– Говори.

– Государь! Кругом враги, сам ты сказал. Не такое теперь время, чтобы прохладяться. Позволь мне остаться в войске твоём.

Иван воскликнул:

– Вот слово преданного слуги! Исполать тебе, Юрий свет Васильевич! Будь по-твоему. Отныне ты будешь находиться при нашей особе. – Гул недовольства прошел по трапезной. Иван окинул всех взглядом прищуренных глаз: – А вы, воеводы, князья мои любимые, не удивляйтесь. Я всегда буду ценить преданных слуг и возвышать их, не глядя на знатность. В сие

время преданность важнее знатности. А знатность и преданность – высшее украшение царства нашего! Теперь же вознесем молитву Всевышнему и приступим к трапезе.

Из-за высокой спинки царского кресла вышел протопоп Андрей и резким голосом прочел длинную молитву. Владыка Коломенский, дряхлый седенький Феодосий, благословил трапезу. Уставшие стоять слуги ретиво бросились к столам, понесли похлебки, щи, ущицу. Потом рыбы разные, квашения, соления, пироги с рыбой и ягодами... Монастырь выложил перед царем свои запасы.

Запивали еду квасом и соками. Хмельное употреблять в походах запрещалось, но с царского дозволения и с благословения Феодосия разносили и меды шипучие. Иван со своего стола посылал кубки с медом князьям, отъезжающим в Тулу. Высокородным боярам и то не всем поднесли, а Юрша в тот день удостоился великой чести – царь Иван Васильевич сам лично изволил налить кубок вина заморского и послал ему. Юрша, как положено, встал, поклонился царю и выпил кубок единым духом под одобрительные возгласы и завистливые взгляды застольников.

25

Сытый и слегка пьяный, пришел Юрша в келью к Акиму. Рассказал ему, в какой чести он у государя, и удивился тому, что Аким опечалился.

– Да ты что, друг мой Аким, отец мой названный? Радоваться надо!

– Чему, Юрий Васильевич? Как быстро возвеличат тебя, еще быстрее разжалуют. Чем выше вознесешься, тем сильнее расшибешься при падении.

– Почему я должен упасть? Почему разжалуют? Аким, может быть, я что-то не так делаю?

– Все пока так. Но лучше б ты стал монахом! Меня страшила твоя монашеская ряса, боялся, что загубишь ты свою молодость в келье. Поэтому учил тебя ратному делу. Радовался, когда тебя благословили в стрельцы... Но сотник, жилец! Это постоянно на виду государя. Обязательно кому-нибудь перейдешь дорогу... Появятся завистники, начнут искать твою родословную... – сказал Аким и осекся.

Юрша смотрел и не узнавал своего спокойного и рассудительного наставника. Не мог понять, что его так взволновало. Юршу всегда беспокоил вопрос: действительно, кто его родители? Воспоминания детства всегда связывались у него с монастырем, но иногда все затмевал образ доброй, очень красивой, ласковой женщины, которую он видел в детстве. Именно такой представлялась родная мать, маманя ему, воспитанному скитскими белицами и монашками. Он, ставши взрослым, ни с кем не говорил об этих воспоминаниях, берег их в своем сердце. Иногда ему казалось, что Аким что-то знает о его родителях, но старательно скрывает. Потому сейчас Юрша насторожился, оставшийся хмель соскочил окончательно.

– Ты знаешь моих родителей?! Они опальные, да? Чего же молчишь? Говори!

Вопросы эти сразу охладили Акима, он как бы пришел в себя и уже спокойно ответил:

– Откуда мне знать... А вот они, бояре да князья, будут знать о твоём худородии. Всегда попрекать станут. И опять же, ты дворцовые порядки не знаешь, кривить душой не умеешь. Запутают они тебя и поминай как звали!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.